Спаси себя

Автор:
Мона Кастен

Спаси себя

Мона Кастен

Макстон-холл #2

Руби Белл опустошена. Джеймс завоевал ее сердце, а потом просто разбил его – разбил вдребезги. Но что, если Джеймс не виноват? Ну нет, она все видела своими глазами: бассейн, обнаженные тела, поцелуй. К тому же он сам прогнал ее!

Руби хочет забыть об испорченном мире Макстон-холл и том страшном дне, когда ее предали, но чувства мешают ей это сделать. Интуиция подсказывает, что все не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Что же она выберет: убежать или бороться за свою любовь?

Мона Кастен

Спаси себя

Mona Kasten

SAVE YOU

Copyright © 2018 by Bastei L?bbe AG, K?ln Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign Cover image: © Shebeko / shutterstock

© Приймак А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

«Дождались! Продолжение одной из самых горячих историй этого года. Мона Кастен умеет разбивать сердца».

Журнал ELLE GIRL

***

Посвящается Люси

All the promises that we made,

it means nothing.

GERSEY, IT MEANS NOTHING

1

Лидия

Джеймс пьян. Или под кайфом. А может, и то и другое.

Уже три дня как с ним невозможно поговорить. Он только и делает, что развлекается на затянувшейся вечеринке у нас дома, одну за другой опустошая бутылки, и ведет себя так, будто ничего не произошло. Не понимаю, как он так может. Похоже, его совершенно не волнует, что наша семья окончательно развалилась.

– Думаю, он так скорбит.

Я покосилась на Сирила. Он единственный знал о случившемся. Я рассказала ему обо всем в тот вечер, когда Джеймс нанюхался наркоты и на глазах у Руби целовался с Элейн. Кто-то должен был помочь мне дотащить Джеймса до дома, чтобы Перси с отцом не поняли, в каком он состоянии. Поскольку наши семьи тесно дружили, мы с Си знакомы с самого детства. И хотя отец взял с меня обещание никому не рассказывать о смерти мамы до официального сообщения в прессе, я понимала, что ему-то могу довериться и он сохранит нашу тайну – даже от Рена, Кешава и Алистера.

Без его помощи я бы не перенесла эти дни. Сирилу удалось уговорить отца оставить Джеймса в покое хотя бы на пару дней. Ребятам же он дал понять, что пока не нужно задавать лишних вопросов. Они держались, но я чувствовала: с каждым днем им все сложнее видеть, как Джеймс себя гробит.

Пока брат делал все, чтобы затуманить свой рассудок, я думала лишь о том, что теперь будет со мной. Мамы больше нет. Матери Грэхема тоже – уже семь лет как ее не стало. Малыш в моем животе остался без бабушек.

Серьезно, эта мысль непрерывно крутилась в голове. Вместо скорби я размышляла о том, что мой ребенок никогда не познает объятий любящей бабушки. Да что со мной такое?

Но я ничего не могла с этим поделать. Мысли жили своей жизнью – они крутились одна за другой, пока я окончательно не утонула в кошмарных

сценариях будущего и у меня не возникло такого сильного страха, что я не смогла больше думать ни о чем другом. Три дня я находилась в состоянии шока. Возможно, что-то внутри во мне и в Джеймсе сломалось, когда отец сообщил нам о смерти матери.

– Не знаю, как ему помочь, – прошептала я, наблюдая за тем, как Джеймс опустошает стакан с алкоголем. Было больно смотреть, как он страдает. Это не может продолжаться вечно. Рано или поздно ему придется вернуться к реальности. И, по-моему, на свете есть только один человек, который сможет в этом помочь.

Я в очередной раз взяла телефон и набрала номер Руби, но она снова не взяла трубку. Хотела бы я на нее разозлиться, но не могла. Если бы я застукала Грэхема с другой, мне бы тоже больше не захотелось иметь ничего общего с ним или его окружением.

– Ты опять ей звонишь? – спросил Си, скептически взглянув на телефон. Я кивнула, и он неодобрительно нахмурил лоб. Его реакция меня не удивила. По мнению Сирила, Руби просто охотница за состоянием, нацелившаяся на наследство Джеймса. Я понимала, что это не так, но, если у Сирила сложилось негативное мнение о ком-то, убедить его в обратном крайне сложно. Так он заботился о друзьях.

– Джеймс никого из нас не слушает. Думаю, Руби смогла бы помешать ему окончательно слететь с катушек. – Собственный голос звучал незнакомо – холодно и глухо. Вот только внутри все было не так, я жутко переживала.

От боли я едва держалась на ногах. Тело как будто связали веревками, и все эти дни я не могла распутать ни одного узла. Мысли кружились каруселью – эта карусель не останавливалась и с нее невозможно было спрыгнуть. Все казалось бессмысленным, и чем больше я сопротивлялась нарастающему бессилию, тем сильнее оно сковывало меня.

Я потеряла одного из важнейших людей в жизни. Не знала, как справиться с этим одной. Я нуждалась в брате. Но Джеймс только и делал, что искал забвения и рушил все, что попадалось ему на пути. Отца я видела в последний раз в среду. Сейчас он в отъезде, встречается с адвокатами и консультантами, чтобы определить дальнейшую судьбу компании «Бофорт». На мамины похороны у

него совсем нет времени – для этого он нанял специалиста по имени Юлия, которая постоянно является в наш дом без спросу, будто она член семьи.

При мысли о маминых похоронах сжалось горло. Стало нечем дышать, в глазах началось жжение. Я резко отвернулась от Сирила, но скрыть расстройство не вышло.

– Лидия… – прошептал он и мягко взял мою руку.

Я отдернула ее и, не говоря ни слова, вышла из зала. Ребята не должны видеть, как я плачу. Рано или поздно терпение у них кончится, и они, несмотря на предупреждение Сирила, станут задавать вопросы. Они ведь не дураки. Джеймс еще никогда не вел себя так странно. Даже если и позволял себе лишнего, то всегда знал, когда пора остановиться. Друзья давно поняли, что произошло нечто страшное, и стали вести себя иначе. Кешав прятал одну за другой бутылки из бара, а Алистер «невзначай» смыл в унитаз несколько граммов наркотиков Джеймса.

Я не могла дождаться, когда придет конец этой скрытности. Через несколько минут, ровно в пятнадцать часов, обнародуют новость о маминой смерти, и тогда об этом узнают не только ребята – но и весь мир. Я уже представляла заголовки в газетах и репортеров, толпящихся у дома и школы. Меня начало тошнить, и я, шатаясь, пошла вдоль коридора, пока не оказалась в библиотеке.

Тусклые лампы освещали бесчисленные стеллажи, на которых стояли старинные книги в кожаных переплетах. Передвигаясь по комнате на ватных ногах, я держалась за полки. Позади у окна разместилось дизайнерское кресло, обитое красным бархатом. В детстве это было мое любимое место в доме. Я забиралась сюда, когда хотела отдохнуть – от ребят, от отца, от завышенных ожиданий, неизбежных, если твоя фамилия Бофорт.

От вида кресла слезы полились сильнее. Я упала на мягкую обивку, подтянула ноги и обхватила их руками. Уткнувшись лицом в колени, я тихо плакала.

Все вокруг казалось таким нереальным. Словно кошмарный сон, из которого я смогу выбраться, стоит только постараться. Я хотела бы вернуть то лето, полтора года назад, когда мама еще была жива, а Грэхем мог обнять, если мне плохо.

Вытирая одной рукой глаза, второй я достала из кармана телефон. Когда разблокировала экран, то обнаружила на ладони черные следы туши для ресниц.

Я зашла в контакты. Как и раньше, номер Грэхема находился прямо под номером Джеймса в избранных, несмотря на то что мы не созванивались уже несколько месяцев. Он не знает о ребенке и тем более о том, что моя мама умерла. По его просьбе я больше не звонила ему. До сих пор еще ничто не давалось мне с таким трудом. В течение двух лет мы общались чуть ли не каждый день – и вдруг наше общение прекратилось.

Казалось, что я в завязке. А теперь… рецидив.

На автомате я нажала на вызов и, затаив дыхание, стала вслушиваться в гудки. И тут они прекратились. Я закрыла глаза. Возникло чувство, что я вот-вот утону в бессилии, которое так давно мучило меня.

– Больше никаких звонков. Как договорились, – тихо сказал он. Его мягкий, хрипловатый голос стал последней каплей. Мое тело сотрясло от рыданий. Я закрыла рот рукой, чтобы Грэхем не услышал этого.

Но было поздно.

– Лидия?…

Я услышала тревогу в его голосе, но не могла ничего произнести, лишь мотала головой туда-сюда. Дыхание участилось и стало прерывистым.

Грэхем не клал трубку. Он оставался на линии и успокаивал меня. Слышать его было, с одной стороны, невыносимо, а с другой – невероятно приятно, и я сильнее прижала телефон к уху. Думаю, голос – одна из причин, почему я в него влюбилась – задолго до того, как мы в первый раз увиделись. Я вспомнила наши телефонные разговоры по нескольку часов, вспомнила, как болело мое ухо, а бывало, что я просыпалась – а Грэхем все еще был на трубке.

С ним всегда спокойно. В течение долгого времени он был моей каменной стеной. Благодаря ему я смогла порвать с Греггом и снова двигаться вперед.

И хотя сейчас я была полностью опустошена, возникло особое чувство – защищенности. Его голос помог немного прийти в себя. Не знаю, сколько я так просидела, но слезы постепенно иссякли.

– Что стряслось? – наконец он задал вопрос.

Я не могла ответить. Мне удалось выдавить лишь вымученный стон.

С минуту он молчал. Я несколько раз слышала, как Грэхем набирал воздуха, собираясь что-то сказать, но в последний момент сдерживался. Когда он снова заговорил, его голос был наполнен болью:

– Больше всего на свете я хотел бы сейчас приехать к тебе.

Я закрыла глаза и представила, как он сидит у себя в квартире, за деревянным столом, таким старым, что тот того и гляди развалится. Грэхем называет такие предметы мебели «антикварными», а на самом деле стол просто старый – он подобрал его на помойке и покрыл лаком.

– Я знаю, – пробормотала я.

– Но ты же понимаешь, что я не могу?

В зале что-то упало и разбилось. Я услышала звон стекла, и кто-то громко вскрикнул. То ли от боли, то ли от веселья, не могу сказать точно, но этот крик привел меня в чувство. Я не могла допустить, чтобы Джеймс еще и поранился.

– Прости, что позвонила, – прошептала я срывающимся голосом и бросила трубку.

Сердце колотилось, когда я покинула этот укромный уголок, чтобы взглянуть, все ли в порядке с братом.

Эмбер

Моя сестра больна.

При обычных обстоятельствах я бы сказала, что ничего особенного – в конце концов, на дворе декабрь, на улице минусовая температура, и, куда бы ты ни пришел, везде будут кашлять и шмыгать носом. Поэтому лишь вопрос времени, когда ты подхватишь вирус.

Да вот только дело в том, что моя сестра никогда не болеет. Правда.

Когда Руби три дня назад пришла домой поздно вечером и, не сказав ни слова, ушла спать, я не обратила на это внимания. В конце концов, у нее только закончился марафон собеседований в Оксфорде, что, естественно, выматывает не только морально, но и физически. Но когда на следующий день она заявила, что простудилась и не пойдет в школу, я заподозрила неладное. Кто знаком с Руби, тот знает, что она даже с температурой потащится на уроки, боясь пропустить что-нибудь важное.

Сегодня суббота, и я не на шутку беспокоюсь. Руби почти не выходит из комнаты. Она лежит в кровати, читает книги одну за другой и делает вид, будто в ее красных глазах виноват насморк. Но меня не проведешь. Случилось что-то ужасное, и я схожу с ума оттого, что она не рассказывает что.

Я подглядываю в щелку двери, как она помешивает ложкой суп, так и не притронувшись к нему. Не припомню, чтобы хоть раз видела ее в таком состоянии. Бледная, под глазами круги, которые день ото дня становятся все темнее. Немытые нечесаные волосы прядками спадают на лицо, и на ней та же одежда, что и вчера, и позавчера. А ведь обычно Руби – воплощение элегантности. Не только когда дело касается планера или школы, но и внешнего вида. Я и не знала, что у нее есть эти растянутые шмотки.

– Прекрати торчать у меня под дверью, – внезапно сказала она, и я вздрогнула, застигнутая врасплох. Ну и сделала вид, будто как раз собиралась зайти к ней.

Руби посмотрела на меня и отставила тарелку с супом на поднос, на котором я ей его и принесла. Я подавила тяжелый вздох.

– Если ты не съешь суп, то будет скандал, – пригрозила я, кивнув на тарелку, но угроза не подействовала. Руби только махнула рукой:

– Да уж не мучайся.

Печально охнув, я опустилась на край кровати:

– Эти несколько дней я изо всех сил старалась не тревожить тебя, потому что видела, как мало ты расположена к разговору, но… я правда беспокоюсь.

Руби натянула одеяло до подбородка, поэтому теперь была видна только немытая голова. Взгляд у нее был тусклый и печальный, как будто в этот момент ее мучили воспоминания. Но затем она моргнула и снова вернулась в реальность – ну или по крайней мере сделала вид. С прошлой среды в глазах сестры появилось странное выражение. Казалось, что здесь присутствует только ее тело, дух же пребывал где-то в другом месте.

– Я всего лишь простудилась. Это скоро пройдет, – почти беззвучно произнесла она каким-то неживым, компьютерным голосом, какие можно услышать во время ожидания на горячей линии. Как будто ее подменили роботом.

Руби отвернулась к стене и натянула одеяло еще выше – прозрачный намек на то, что аудиенция окончена. Я вздохнула и уже собиралась встать, но тут мое внимание привлек светящийся экран телефона на ночном столике. Я подалась вперед, чтобы взглянуть на дисплей.

– Тебе звонит Лин, – пробормотала я.

– Пусть звонит, – приглушенно ответила она.

Наморщив лоб, я смотрела, как звонок прекратился и на экране высветилось количество пропущенных вызовов. Число было двузначным.

– Она звонила больше десяти раз, Руби. Не знаю, что там у тебя случилось, но нельзя же скрываться вечно.

Сестра лишь что-то буркнула в ответ.

Мама сказала, что я должна дать ей время, оставить в покое, но с каждым днем мне становилось все тяжелее видеть, как Руби страдает. Не нужно быть гением, чтобы сложить два и два и прийти к выводу, что здесь не обошлось без Джеймса Бофорта и его глупых дружков.

Правда, я думала, что Джеймс Бофорт для Руби давно перевернутая страница. Но что же произошло? И когда?

Я попыталась проанализировать ситуацию, как сделала бы на моем месте Руби, и составила в голове список:

1. Руби была в Оксфорде на собеседовании.

2. После возвращения все было в порядке.

3. Вечером к нам заявилась Лидия Бофорт, и Руби исчезла вместе с ней.

4. После этого все изменилось: Руби забилась в свою комнату и перестала разговаривать.

5. Почему???

О’кей. Возможно, список Руби оказался бы немного более структурированным, но тем не менее мне удалось составить логическую цепочку и понять: что бы то ни было, это случилось в среду.

Но куда они поехали с Лидией?

Я смотрела то на Руби, от которой из-под одеяла выглядывали только волосы, то на телефон. Уверена, она не заметит его отсутствия.

– Если тебе еще что-нибудь понадобится, я рядом, – сказала я, зная, что она все равно не примет мое предложение. Я встала с нарочито громким вздохом, молниеносно схватив телефон. Засунув его в рукав просторного вязаного свитера, я на цыпочках выкралась из комнаты и пошла к себе.

Тихонько закрыв за собой дверь, я выдохнула – и мне тут же стало совестно. Я посмотрела на стену, как будто Руби могла меня здесь увидеть из своей кровати. Возможно, она перестанет со мной разговаривать, когда обнаружит, что я так бесцеремонно вторглась в ее личное пространство. Но в то же время это моя прямая сестринская обязанность – помочь ей. Разве нет?

Я подошла к письменному столу, опустилась на скрипучий стул и вынула из рукава телефон. Сестра тщательно скрывает все, что происходит с ней в школе, но я, разумеется, знаю, с какими людьми ей приходится сталкиваться в Макстон-холле: парни и девушки, чьи родители аристократы, артисты, политики или предприниматели, имеющие такое большое влияние, что нередко упоминаются в новостях. Я долгое время подписана в Инстаграме на некоторых одноклассников Руби и знаю, какие слухи о ней ходят. Мне становится тошно от одной мысли, что эти люди могли сделать с Руби.

Я разблокировала телефон и открыла список вызовов. Ей звонила не только Лин, но и еще один неизвестный номер. Недолго думая, я набрала Лин – все-таки она единственная из сомнительной школы Руби, с кем я знакома лично. Я осторожно поднесла телефон к уху. После первого гудка Лин сразу ответила.

– Руби, – услышала я запыхавшуюся Лин. – Наконец-то. Как ты?

– Лин, это я, Эмбер, – прервала я ее, не дав продолжить.

– Эмбер? Что…

– Руби чувствует себя не очень хорошо.

Лин на секунду затихла, а затем медленно произнесла:

– Неудивительно, после того что произошло.

– Что произошло? Что, черт возьми, произошло, Лин? Руби не разговаривает со мной, и я очень волнуюсь. Бофорт ее обидел? Если да, то я эту жабу…

– Эмбер, – теперь уже она перебила меня. – О чем ты говоришь?

Я наморщила лоб:

– А ты о чем?

– Я о том, что в среду Руби написала, что они с Джеймсом поладили, а сегодня я узнала, что перед этим в понедельник у него умерла мама.

2

Руби

Эмбер снова постучалась ко мне.

Если бы у меня были силы, я бы ее прогнала. Я понимаю, что она беспокоится, но сейчас просто не в состоянии собраться для разговоров с кем-то. Даже если это моя сестра.

– Руби, Лин хочет с тобой поговорить.

Нахмурившись, я стянула одеяло с лица и повернулась. Эмбер стояла перед кроватью, протягивая мне телефон. Я прищурилась. Но это же мой телефон. И на экране высвечивалась Лин.

– Ты взяла мой телефон? – вяло спросила я. Внутри назрело было возмущение, но оно исчезло так же быстро, как и возникло. В последнее время организм был как черная дыра, которая поглощала все эмоции еще до того, как они получали возможность излиться наружу.

Ничто меня по-настоящему не трогало, ничто не радовало. Даже просто поднявшись с кровати, я уставала так, будто пробежала марафон, а вниз я не спускалась три дня. С тех пор как я поступила в Макстон-холл, я не пропустила ни одного урока, а теперь для меня была невыносима одна лишь мысль о том, чтобы принять душ, одеться и провести среди других людей от шести до десяти

часов. Не говоря уже о том, что я не смогу видеть Джеймса. Возможно, при виде него я упаду в обморок, как увядший цветок. Или разрыдаюсь.

– Скажи ей, что я перезвоню, – пролепетала я. Голос у меня был осипший, последние несколько дней я почти не разговаривала.

Эмбер не сдвинулась с места.

– Но ты должна поговорить с ней сейчас.

– Но я не хочу разговаривать сейчас. – Единственное, чего бы я хотела, это немного времени, чтобы набраться сил встать на ноги. Трех дней недостаточно, чтобы выдержать Лин с ее вопросами. В среду я написала ей короткое сообщение. Она не знает, что именно произошло между мной и Джеймсом в Оксфорде, и у меня нет желания об этом рассказывать. Или о том, что произошло после. Я бы с радостью забыла всю последнюю неделю и вела себя так, будто все нормально. К сожалению, это невозможно, пока мне не удастся хотя бы встать с кровати.

– Пожалуйста, Руби, – сказала Эмбер, настойчиво глядя на меня. – Я не знаю, отчего ты такая грустная и почему не хочешь поговорить об этом со мной, но… Лин кое-что рассказала. И я думаю, вам и правда стоит поговорить.

Я мрачно уставилась на Эмбер, но, увидев на ее лице решимость, поняла, что мне с ней не справиться. Она не уйдет, пока я не поговорю с Лин. В некоторых вещах мы слишком похожи, упрямство определенно одна из таких вещей.

Я смиренно протянула руку и взяла телефон.

– Лин?

– Руби, милая, нам нужно поговорить.

По ее голосу я поняла, что она знает.

Она знает, что сделал Джеймс.

Она знает, что он собственноручно вырвал мое сердце, чтобы бросить его на землю и растоптать.

А если об этом знает Лин, значит, знает и вся школа.

– Я не хочу говорить о Джеймсе, – прохрипела я. – Больше никогда не хочу о нем говорить, о’кей?

Лин на мгновение смолкла. Затем сделала глубокий вдох:

– Эмбер рассказала, что в среду вечером ты уехала из дома с Лидией.

Я молчала, водя рукой по краешку одеяла.

– От нее ты узнала всё? – добавила она.

Я выдавила из себя беззвучный смешок:

– Узнала что? Что он скотина?

Лин вздохнула:

– И Лидия ничего тебе не рассказала?

– А что она должна была рассказать? – настороженно спросила я.

– Руби… Ты видела мое недавнее сообщение?

Лин говорила так осторожно, что мне вдруг стало жарко и холодно – одновременно. Я сухо сглотнула:

– Нет… Я со среды не заглядывала в телефон.

Лин сделала глубокий вдох:

– Тогда ты и правда еще не знаешь.

– Чего я еще не знаю? – нервы начали сдавать.

– Руби, ты сидишь?

Я выпрямилась. Боже, что же случилось?

Подобный вопрос не задают, если не произошло что-то ужасное. Вмиг картинка с Джеймсом и Элейн, обдолбанных в бассейне, сменилась картинкой пострашнее. Джеймс, попавший в аварию, раненый. Джеймс, лежащий в больнице.

– Что случилось? – прохрипела я.

– В понедельник умерла Корделия Бофорт.

Мне потребовалось время, чтобы понять то, что сказала Лин.

В понедельник умерла Корделия Бофорт.

Воцарилось невыносимое молчание.

Мать Джеймса умерла. В понедельник.

Я вспомнила наши страстные поцелуи, руки, неутомимо скользящие по моему обнаженному телу, потрясающие ощущения, когда Джеймс был во мне.

Джеймс в тот вечер – в ту ночь – обо всем знал? Так хорошо притворяться не может даже он. Нет, должно быть, они с Лидией узнали обо всем только в среду.

Я слышала, как Лин что-то говорит, но не могла сконцентрироваться на ее словах. Так сильно я была занята мыслью, действительно ли Мортимер Бофорт два дня скрывал от детей, что их мама умерла. И если это так – насколько же ужасно чувствовали себя Джеймс и Лидия, когда в среду вернулись домой и обо всем узнали?

Я вспомнила опухшие, красные глаза Лидии, когда она стояла у нашей двери и спрашивала, где Джеймс. Пустой и безэмоциональный взгляд Джеймса, когда он смотрел на меня. И тот момент, когда он прыгнул в бассейн и перечеркнул все, что возникло между нами в ту ночь. Он убил нашу любовь.

По телу расползлась пульсирующая боль. Я отняла телефон от уха и включила громкую связь. Затем зашла в сообщения. Я открыла переписку с незнакомым номером. Там было три непрочитанных эсэмэс:

Руби. Мне очень жаль. Я могу тебе все объяснить.

Пожалуйста, вернись к Сирилу или скажи, где ты находишься, чтобы Перси мог тебя забрать.

Наша мама умерла. Джеймс слетел с катушек. Я не знаю, что делать.

– Лин, – прошептала я. – Это правда?

– Да, – шепнула подруга в ответ. – Недавно пришло официальное подтверждение, и через полминуты эта новость была везде.

Между нами вновь повисло молчание. В голове крутились тысячи мыслей. Казалось, ничто больше не имело смысла. Ничто, кроме чувства утраты, разом охватившего меня, и слова вырвались сами по себе:

– Мне нужно к нему.

Я впервые увидела серую каменную стену, окружающую поместье Бофортов. Въезд преграждали огромные железные ворота, у которых толпилась дюжина людей.

– Вот крысы, – пробормотала Лин, останавливая машину в паре метров от них. Репортеры моментально оживились и бросились к нам.

Лин нажала кнопку, чтобы заблокировать двери.

– Позвони Лидии, чтобы она открыла ворота.

Я была так благодарна подруге, что в этот момент она была со мной и сохраняла холодную голову. Не раздумывая ни секунды, она спросила по телефону, не надо ли меня подвезти, и через полчаса уже была у моего дома. Все сомнения насчет того, насколько крепка наша дружба, испарились в ту же секунду.

Я достала из сумки телефон и позвонила на номер, с которого за последние дни многократно звонили.

Не прошло и пары секунд, как Лидия взяла трубку.

– Алло? – Ее голос звучал приглушенно, как и в среду вечером, когда мы поехали к Сирилу.

– Я стою перед вашим домом. Не могла бы ты открыть ворота? – спросила я, закрывая при этом лицо рукой. Не знаю, помогло ли это. Репортеры стояли прямо у машины Лин и выкрикивали вопросы, которых я не понимала.

– Руби? Что?..

Кто-то постучал в пассажирское стекло. Мы с Лин вздрогнули.

– Если можно, то побыстрее.

– Сейчас, – ответила Лидия и положила трубку.

Не прошло и минуты, как ворота открылись, и кто-то направился к машине. Я узнала его, лишь когда он оказался в паре метров от нас.

Это был Перси.

Мое сердце забилось быстрее. Внезапно нахлынули воспоминания. О той поездке в Лондон, которая так хорошо началась и так ужасно закончилась. И о той ночи, когда Джеймс нежно заботился обо мне, потому что его друзья вели себя отвратительно и столкнули меня в бассейн.

Он протиснулся сквозь репортеров и жестом попросил Лин опустить окно.

– Проезжайте прямо к дому, мисс. Эти люди будут арестованы, если только ступят на участок. Они не последуют за вами.

Лин кивнула, и после того, как Перси попросил репортеров отойти в сторону, мы въехали на территорию поместья. Въездная дорога по ширине и длине больше походила на шоссе, окруженное зелеными лужайками, покрытыми инеем. Вдали я разглядела большой дом: прямоугольный, двухэтажный, с несколькими фронтонами. Четырехскатная сланцевая крыша выглядела так же мрачно, как и остальной фасад, сложенный из кирпича, облицованный гранитом. Но, несмотря на всю безотрадность, исходившую от этого дома, с первого взгляда было понятно, что здесь живут богатые люди. Дом очень подходит Мортимеру Бофорту, такой же холодный. Правда я с трудом представляла в нем Лидию и Джеймса.

Лин заехала на внутренний двор и припарковалась за черным спортивным автомобилем, стоящим в стороне от дома у гаража.

– Мне пойти с тобой? – спросила она, и я кивнула.

Воздух был ледяным, когда мы вышли из машины и быстрыми шагами направились к лестнице ко входу. Перед ступеньками я вцепилась в руку Лин. Подруга вопросительно взглянула на меня.

– Спасибо, что помогаешь, – еле выговорила я, не зная, что ждет нас в этом доме. Оттого, что Лин рядом, мне было не так страшно. Три месяца назад я бы и представить себе такое не могла – тогда я строго разделяла личную жизнь и школу и практически никогда не рассказывала Лин о чем-то сокровенном. Но все изменилось. Прежде всего из-за Джеймса.

– Но это же естественно. – Она взяла мою руку и ласково сжала ее.

– Спасибо, – снова прошептала я.

Лин кивнула, и мы пошли вверх по лестнице. Не успели мы позвонить в дверь, как Лидия ее открыла. Она выглядела такой же растерянной, как и три дня

назад. И теперь я понимала почему.

– Лидия, мне так жаль, – еле слышно сказала я.

Она прикусила нижнюю губу и чуть не расплакалась. В эту секунду было неважно, что мы не настолько хорошо знакомы и совсем не близки. Я поднялась на последнюю ступеньку и обняла ее. Лидию затрясло, и я неминуемо вспомнила среду. Если бы я знала о случившемся и о том, как ей плохо, то ни за что бы не оставила ее одну.

– Прости меня, – прошептала я.

Лидия вцепилась пальцами в свитер и зарылась лицом в мою ключицу. Я крепко обняла ее и стала гладить по спине, чувствуя, как свитер намокает от слез. Я не могла даже представить, что творилось у нее внутри. Если бы моя мама умерла… я бы не знала, как это вынести.

В это время Лин тихо закрыла за собой входную дверь. Она была так же растрогана, как и я.

Наконец Лидия отцепилась от меня. Щеки в красных пятнах, глаза остекленевшие и заплаканные. Я мягко отвела с ее щеки несколько мокрых прядок волос.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать? – осторожно спросила я.

Она отрицательно покачала головой.

– Просто позаботься о том, чтобы мой брат снова стал самим собой. Он невменяем. Я… – Ее голос охрип от слез, и ей пришлось прокашляться, чтобы продолжить. – Я еще никогда его таким не видела. Он разрушает себя, и я не знаю, как помочь.

У меня заболело сердце. Потребность увидеть Джеймса и обнять, как и Лидию, взяла верх – несмотря на страх перед встречей.

– Где он?

– Мы с Сирилом отвели его в спальню. Он не в себе.

Я вздрогнула. Как же плохо должно быть Джеймсу…

– Могу тебя отвести, если хочешь, – продолжила она и кивнула в сторону изогнутой лестницы, ведущей на второй этаж. Я повернулась к Лин, но подруга помотала головой:

– Я подожду здесь. Иди.

– Ребята в зале, если захочешь к ним присоединиться. Я скоро вернусь, – сказала Лидия, указывая на другую сторону фойе, откуда коридор уводил в заднюю часть дома. Только сейчас я услышала тихую музыку, доносившуюся, по всей видимости, оттуда. Лин засомневалась, но потом кивнула.

Мы с Лидией поднимались по широкой витой лестнице из темного дерева. Я заметила, что внутри дом Бофортов выглядел приветливее, чем снаружи. Фойе было светлое и уютное. Хотя на стенах и не висели семейные фотографии, как у нас, но и масляных портретов предков в золоченых рамах, как в доме у Сирила Веги, тут не было. Здесь висели яркие картины импрессионистов, и хотя они не особо впечатляли, но зато создавали дружелюбную атмосферу.

Поднявшись наверх, мы свернули в коридор, такой темный и длинный, что я неизбежно задалась вопросом, что же скрывается за всеми этими дверьми, мимо которых мы проходили. И неужели здесь живет одна семья.

– Мы пришли, – Лидия остановилась у высокой двери. Мы обе уставились на нее, и Лидия повернулась ко мне: – Я знаю, возможно, слишком много требую, но ты ему действительно нужна.

Я едва могла разобраться в своих мыслях и чувствах. Тело как будто чувствовало присутствие Джеймса за этой дверью – меня тянуло туда словно магнитом. И хотя я не была уверена, что смогу помочь ему так, как надеялась Лидия, мне все равно хотелось быть рядом с ним.

Лидия мягко коснулась моей руки:

– Руби… У Джеймса с Элейн не было ничего, кроме поцелуя.

Я оцепенела.

– Сразу после него Джеймс вышел из бассейна и рухнул в кресло. Я знаю, он может быть жестоким, но…

– Лидия, – прервала я ее.

– …он был тогда сам не свой.

– Я пришла сюда не поэтому.

Я не могла сейчас думать о том жутком дне. Ведь стоит мне только вспомнить Джеймса с Элейн, как все перевесят гнев и разочарование, и я не смогу войти в эту дверь.

– Я не желаю даже слышать об этом.

Казалось, Лидия хотела что-то возразить, но в конце концов только вздохнула:

– Я всего лишь хотела, чтобы ты это знала.

И она развернулась, чтобы вернуться к Лин по длинному коридору. Я смотрела ей вслед, пока она не дошла до лестницы, где на дорогой ковер падал свет. Когда она окончательно скрылась из вида, я повернулась к двери.

Не думаю, что когда-нибудь в жизни что-то давалось мне с таким трудом. Дверная ручка была холодной. И по спине побежали мурашки, когда я медленно повернула ее и открыла дверь.

Затаив дыхание, я стояла на пороге комнаты Джеймса.

Одна эта комната с высоким потолком по размерам была едва ли не больше моего домика рядовой застройки. Справа от меня стоял письменный стол, перед ним – коричневое кожаное кресло. Слева вдоль стены разместились стеллажи,

заполненные книгами, записными книжками вперемежку со статуэтками, напоминающими те, что я видела в офисе компании «Бофорт». Помимо той двери, через которую я только что вошла, по обеим сторонам комнаты располагались еще две двери из массивной древесины. Можно было предположить, что одна из них вела в ванную комнату, вторая – немного поменьше – в гардеробную Джеймса. Посреди комнаты было место для отдыха с диваном, журнальным столиком на персидском ковре и креслом с подголовником.

Я осторожно прошла в спальню. Непомерно большая кровать находилась напротив двери в дальнем конце комнаты. По обе стороны от кровати возвышались большие окна, почти целиком занавешенные, поэтому на пол падали лишь две тоненькие полоски света.

Тут я заметила Джеймса.

Он лежал на кровати, укрытый темно-серым пледом. Я чуть дыша приблизилась, чтобы увидеть его лицо.

Я думала, что Джеймс спит… но глаза его были открыты.

Глаза Джеймса – обычно такие выразительные – выглядели безжизненными. Лицо было совершенно пустым.

Я шагнула к нему. Он не отреагировал, не подал даже знака, что заметил мое присутствие. Его взгляд был устремлен сквозь меня. Зрачки неестественно расширились, а в воздухе стоял резкий запах спиртного. Я невольно вспомнила вечер среды, но немедленно отогнала эти мысли. Я здесь не затем, чтобы раздумывать о задетых чувствах. Я здесь потому, что Джеймс потерял маму. Никто не должен переживать такое в одиночестве. А уж тем более человек, который, несмотря ни на что, мне так важен.

Недолго думая, я преодолела последнюю дистанцию, разделявшую нас, и аккуратно села на край кровати.

– Привет, Джеймс, – прошептала я.

Он вздрогнул, как будто, уже провалившись в сон, болезненно очнулся. И повернул голову ко мне. Под глазами у него были темные круги, волосы грязными прядями падали на лоб. Сухие губы местами потрескались. Вид у него был такой, будто несколько дней он пил только алкоголь.

Когда Джеймс поцеловал Элейн, я прокляла его. Я хотела, чтобы кто-нибудь однажды причинил ему такую же боль, какую он причинил мне. Мое измученное сердце жаждало мести. Но сломленный вид Джеймса не приносил никакого утешения. Совсем наоборот. Казалось, его боль перешла на меня и затягивала в свою пучину. Мной овладело отчаяние, ведь я не знала, как ему помочь. Все слова, что приходили в голову, казались такими пустыми.

Я бережно убрала золотистые пряди волос со лба Джеймса. И нежно провела кончиками пальцев по его щекам и положила ладонь на холодное лицо. Я словно держала в руках что-то невероятно хрупкое.

Я собралась с силами, наклонилась к нему и прижалась губами к его лбу.

Джеймс перестал дышать.

Мы застыли в таком положении на какое-то время, не решаясь пошевелиться.

Потом я снова села, отняв ладонь от его лица.

В следующую секунду Джеймс вдруг обхватил мои бедра. Вцепившись в кожу пальцами, он весь подался вперед. Меня так испугал этот внезапный порыв, что я застыла. Джеймс зарылся лицом в мое плечо. Его тело содрогалось от всхлипов.

Я крепко обняла Джеймса. В эту секунду я ничего не могла сказать. Я не могла полностью сопереживать ему и не хотела притворяться, будто могу это сделать. Как я могу знать, что чувствует Джеймс?

Единственное, что я могла в этот момент – это просто быть рядом. Я могла гладить его по спине и плакать вместе с ним. Я могла дать понять, что он не один перед лицом беды, и неважно, что между нами произошло.

И когда Джеймс плакал в моих объятиях, я осознала, как ошибалась.

Я думала, после того, что он сделал, смогу вычеркнуть его из своей жизни. Я надеялась как можно скорее выкинуть Джеймса из головы. Но теперь забыть его не удастся.

3

Джеймс

Стены кружатся. Я не различаю, где верх и где низ, только чувствую руки Руби, которые хоть немного удерживают меня в реальности. Она сидит на кровати, прислонившись спиной к изголовью, а я бессильно приник к ней. Крепко обняв меня, она нежно гладит мои волосы. Я весь сосредоточился на тепле ее тела, ровном дыхании и прикосновениях.

Понятия не имею, сколько дней прошло. При попытке вспомнить хоть что-нибудь в голове возникает лишь туман. Густой серый туман и две мысли, которые вновь и вновь пробиваются наружу в короткие моменты ясности.

Первая: мама умерла.

Вторая: я целовал другую девушку на глазах у Руби.

Неважно, сколько я тогда выпил или что принимал, – выражение лица Руби в тот момент я никогда не забуду. Она не могла поверить глазам и была просто в шоке. Как будто я разрушил весь ее мир.

Я сильнее уткнулся лицом в живот Руби. С одной стороны, я боялся, что она в любой момент может встать и уйти. С другой – чувствовал, что слезы могут в любой момент вернуться. Правда, не случилось ни того ни другого. Руби не ушла, а во мне, по всей видимости, больше не осталось слез.

Кажется, во мне не осталось вообще ничего. Возможно, моя душа умерла вместе с матерью. Иначе как бы я мог причинить Руби такую боль?

Как я причинил Руби такую боль?

Что со мной не так?

Что, черт возьми, со мной не так?

– Джеймс, ты дыши, пожалуйста, – вдруг прошептала Руби.

Только тогда я осознал, что и впрямь перестал дышать. Как давно – точно не знаю.

Я набрал в легкие побольше воздуха и медленно выдохнул. Уже не так тяжело.

– Что это со мной? – прошептать эти слова было так трудно, мне показалось даже, будто я их прорычал.

– Ты скорбишь, – так же тихо ответила она.

– Но почему?

Только что я еле дышал – а теперь мое дыхание участилось. Я рывком поднялся с кровати. Грудь у меня болела, как и все конечности, как будто я слишком много тренировался. При этом последние несколько дней я не делал ничего, кроме того, что отгонял от себя мысли о том, в какой ад катится моя жизнь.

– Что почему? – Взгляд у нее такой теплый, и как ей только удается смотреть на меня так?

– Я не понимаю, почему скорблю. Я не особо любил маму.

Еще не успев договорить это, я обомлел. Как только язык повернулся такое сказать?

Руби взяла мою руку и крепко ее сжала:

– Ты потерял маму. Ты разбит, так бывает, когда умирает близкий человек.

В голосе Руби не осталось той твердой уверенности и убежденности, какие были ей свойственны. Думаю, бедняжка и сама не знала, как вести себя в такой ситуации. То, что она здесь и, несмотря ни на что, пытается меня поддержать, казалось мне сном.

Возможно, это он и есть.

– Что произошло? – вдруг прошептала она, осторожно подняв мою правую руку.

Я проследил за ее взглядом. Разбитые костяшки все еще перепачканы кровью, а кожа вокруг в ссадинах и синяках.

Или все-таки это не сон. А если и да, то сон очень реалистичный.

– Я ударил отца. – Эти слова слетели с губ спокойно. Я не почувствовал ничего, когда произносил их. И это тоже подтверждало, что со мной что-то не так. В конце концов, любой мало-мальски нормальный человек знает, что нельзя поднимать руку на родителей. Но в тот момент, когда отец сообщил нам с Лидией о маминой смерти – так холодно, – в тот момент я просто не мог поступить иначе.

Руби поднесла мою руку к губам и поцеловала. От этого ее прикосновения стало так хорошо. Все в этом жесте было таким искренним.

Родители с детства внушили мне, что я не должен показывать истинных чувств. Люди могут использовать это против тебя. Как только ты выдашь свои слабости, станешь уязвимым – непозволительная роскошь для управляющего большим предприятием. Но они не подготовили меня к такой ситуации. Что делать, когда теряешь маму в восемнадцать лет? Единственный ответ: пытаться вытеснить горькую правду с помощью алкоголя и наркотиков, делая вид, будто ничего не произошло.

Но теперь, когда Руби рядом, я не уверен, что смогу и дальше следовать этому плану. Я стал разглядывать ее лицо, растрепанные волосы, шею. Я все еще помню, каково это – приникать губами к нежной коже ее шеи. Как потрясающе было обнимать Руби.

Сейчас она выглядит такой же подавленной, каким я себя чувствую. Не знаю, думает ли она при этом о моей маме или о том, как сильно я ее обидел.

Но одно я знаю наверняка: Руби не заслужила такого скотского отношения. Она всегда поддерживала меня. Не надо было мне позволять Элейн поцелуя – а все ради того, чтобы доказать окружающим, что я бесчувственный подонок, которого ничем не пронять, даже смертью матери.

Оттолкнуть от себя Руби таким образом было подло. Это самая большая ошибка, какую я когда-либо совершал.

– Прости меня, – тихо сказал я. – Я сожалею, что так поступил.

Все тело Руби напряглось. Несколько минут она не шевелилась.

– Руби…

Она отрицательно помотала головой:

– Нет. Я здесь не поэтому.

– Я понимаю, какую ошибку сделал, я…

– Джеймс, хватит, – настойчиво прошептала она.

– Знаю, у тебя нет никаких причин меня прощать, но…

Ее рука дрожала, когда она отодвинулась подальше. Затем она встала с кровати. Сначала поправила свитер и пригладила челку. Казалось, она хочет выглядеть как прежде – опрятно, скромно. Но тщетно, слишком многое произошло между нами. Уже ничто не могло бы сделать ее незаметной для меня.

– Я сейчас не могу, Джеймс, – пробормотала она. – Прости.

И она пошла к двери. Тихо закрывая за собой дверь, она даже не оглянулась.

Я стиснул зубы, когда в глазах появилось жжение, а плечи снова задрожали.

Не знаю, как долго я лежал в кровати, глядя на стену, но в какой-то момент собрался с силами и спустился вниз. На улице давно стемнело, и я задался вопросом, здесь ли еще ребята. Через мгновение я услышал их негромкие голоса. Дверь была приоткрыта, и рука моя замерла на ручке.

– Это уже ненормально, – пробормотал Алистер, – если он продолжит в том же духе, то допьется до комы. Я не понимаю, почему он не разговаривает с нами.

– Будь я на его месте, у меня бы тоже не осталось сил на разговоры, – выдал Кешав. – Я нисколько не удивился, что это сказал именно он.

– Но ты знаешь, когда надо остановиться. В случае с Джеймсом я бы не был так уверен.

– Нам не следовало допускать, чтобы дело зашло так далеко, – подключился Рен. – Я до вчерашнего дня думал, что он просто празднует поступление в Оксфорд.

На какое-то время стало тихо, затем Рен добавил:

– Если Джеймс не хочет об этом говорить, нам остается только принять это.

Алистер недовольно фыркнул:

– И смотреть дальше на то, как он себя гробит? Ну уж нет.

– Ты можешь отнять у него алкоголь и наркотики, – пробормотал Рен. – Но помни: его мать умерла. И пока он это не примет, мы бессильны, как бы хреново это ни звучало.

По спине побежали мурашки. Друзья обо всем знают. Стало тошно при одной лишь мысли о необходимости смотреть в их сочувствующие лица. Мне бы этого не хотелось. Я все бы отдал, чтобы жить как раньше. Но если визит Руби что и показал, так это необходимость переходить к делу – меняться.

И я, размяв шею и ноющие от боли плечи, вошел в зал.

Алистер, собиравшийся что-то возразить, закрыл рот, увидев меня. Я двинулся прямиком к столику с напитками и взял оттуда бутылку виски. Трезвым я не перенесу то, что мне сейчас предстояло. Я налил полный стакан и залпом его выпил. Только после этого повернулся к ребятам. Тут были все, кроме Сирила.

Алистер, уставившись в пол, вертел в руках стакан с остатками алкоголя. Кеш, как и Рен, мрачно смотрел на меня в ожидании. Хотя они уже все знали, было важно произнести это вслух:

– Моя мама умерла.

Я сказал это впервые.

От этих слов мне стало больнее, чем я ожидал. Даже алкоголь не помог. Именно поэтому я избегал разговора с друзьями. От разговоров становится тяжелее. Я уставился на ботинки, чтобы не пришлось видеть их реакцию. Еще никогда я не чувствовал себя таким уязвимым, как в эту минуту.

Вдруг я услышал приближающиеся шаги, и, когда поднял взгляд, передо мной стоял Рен. Он обнял меня одной рукой и крепко прижал к себе.

Я устало опустил голову ему на плечо. Руки мои были тяжелыми, как свинец, и я не мог нормально ответить на его объятие. Рен тем не менее не ослабил хватку. Почти сразу к нам подошли Кеш и Алистер и сделали то же самое. Мы все обнялись.

Слова оказались лишними, к тому же у меня ком в горле стоял, поэтому я не смог бы произнести ни звука. Это все длилось какое-то время, пока я снова не взял себя в руки. Потом Рен повел меня к дивану, а Алистер принес стакан воды и молча протянул мне.

– Это так погано, – пробормотал Алистер, садясь рядом со мной. – Ужасно жаль, что так вышло, Джеймс.

Мне не удалось взглянуть на него или что-нибудь ответить, поэтому я просто кивнул.

– Как это случилось? – спросил Кеш немного погодя.

Я медленно приник губами к стакану. Холодная вода оказалась как нельзя кстати.

– Она… у нее случился инсульт, пока мы были в Оксфорде.

Молчание. Ни у кого не хватило духу что-то сказать. Друзья знали, что мама умерла, но последняя деталь этой трагедии шокировала их.

– Отец рассказал нам, только когда мы с Лидией вернулись. Он не хотел, чтобы мы провалили собеседования. – По телу побежали мурашки. Я уставился на разбитую руку, сжимал ее в кулак и снова расслаблял.

– Мы предполагали, что случилось что-то нехорошее, – пробормотал Рен. – Я никогда тебя таким не видел. Но Лидия ничего не рассказала, а ты и вовсе был не в себе…

Кешав откашлялся:

– Сегодня пришло официальное сообщение для прессы от «Бофорт». Так мы и узнали.

Я тяжело сглотнул:

– Я просто не хотел думать об этом… ни о чем.

– Все нормально, Джеймс, – тихо сказал Рен.

– И я боялся, что это станет правдой, если я это произнесу.

Я наконец увидел растроганные лица друзей. Глаза Кешава подозрительно блестели, а щеки Алистера были бледны. Я совсем не учел того, что ребята с детства знали мою маму и новость о ее смерти расстроит и их. Внезапно я осознал, насколько эгоистичной могла показаться моя реакция. Я не только игнорировал реальность и обидел Руби, но и оттолкнул своим поведением друзей.

– Ты выдержишь. Вы выдержите, – поправился Рен. Я проследил за его взглядом и заметил Лидию и Сирила в дверях. Щеки и глаза Лидии стали красными. Уверен, я выглядел ничуть не лучше.

– Как бы тяжело вам сейчас ни приходилось, вы не одни. У вас есть мы. Понятно? – настойчиво продолжил Рен и сжал мое плечо. Взгляд его карих глаз был серьезным.

– Хорошо, – ответил я, хотя понятия не имел, можно ли ему верить.

4

Лидия

Перси вошел в дом как раз в тот момент, когда я надевала на шею мамино жемчужное ожерелье.

– Вы готовы ехать, мисс? – спросил он, остановившись в паре шагов от меня. – Мистер Бофорт и ваш брат уже ждут в автомобиле.

Я не ответила. Вместо этого защелкнула застежку ожерелья и в последний раз поправила высокую прическу. Затем медленно опустила руки.

Стала разглядывать свое отражение в зеркале. Папина распорядительница позаботилась не только об организационной части, но и о том, чтобы папу, меня и Джеймса на похороны собрал стилист.

– Водостойкая тушь, она поможет выдержать сегодняшний день, дорогая, – щебетала молодая женщина.

Я уже подумывала, не потереть ли обеими руками влажные от косметики глаза, чтобы испортить всю работу стилиста, но строгий взгляд отца остановил меня. Только ради него я выгляжу презентабельно. И даже более того. Я накрашена сильнее, чем на любой из фотосессий, которые мы делали для коллекций компании «Бофорт». Тени и неброская подводка нанесены аккуратно, ресницы немного слиплись от трех слоев водостойкой туши, а на лице был четкий контуринг. Из-за него мои скулы проступают заметнее, чем обычно.

Папа удивленно наморщил лоб, когда стилист закончила работу над моим круглым лицом. Возможно, еще пару месяцев я без труда смогу скрывать беременность, но вряд ли дольше.

Стоит только представить, как на это отреагирует семья, так у меня сразу перехватывает дыхание. Но сейчас мне нельзя об этом думать. Не сегодня.

– Нет, – ответила я на вопрос Перси спустя почти бесконечность, но сама при этом решительно зашагала к выходу.

Перси молча последовал за мной. У гардероба он хотел помочь мне надеть пальто, но я отвернулась от него. Я не в состоянии вынести сочувствующие взгляды, поэтому собственноручно набросила пальто, проскользнула в рукава и вышла на улицу. Подъездной двор поместья был покрыт инеем, который блестел на солнце. Я аккуратно сошла по лестнице к черному лимузину, припаркованному прямо у входа. Перси открыл дверцу, и я поблагодарила его, перед тем как сесть к Джеймсу на заднее сиденье.

В машине царила гнетущая тишина. Ни Джеймс, ни отец, сидящий сбоку от него, не обратили на меня внимания. Я еду на кладбище в черном платье-футляре с воланами на длинных рукавах. На брате и отце черные костюмы, подготовленные специально для этого дня. Из-за темных цветов Джеймс выглядит еще более бледным. Стилист хотя и старалась придать его лицу немного цвета, из этого ничего не вышло. С папой же макияж сотворил чудеса: от синяка под глазом не осталось и следа.

Я покачала головой, рассматривая их обоих. У меня больше нет семьи, наша жизнь разрушена.

Поездка до кладбища прошла как в тумане. Я пыталась последовать примеру отца и брата и мысленно перенестись в другое место, но сейчас, когда мы остановились в паре метров от точки назначения и Перси тихо выругался, это было уже невозможно.

Вход на кладбище осаждали репортеры.

Я покосилась на Джеймса, но его лицо не выражало абсолютно ничего, он надел темные очки и ждал, когда перед ним откроют дверцу автомобиля. Я сглотнула и потуже затянула пальто. Потом тоже нацепила на нос темные очки. При виде напирающих репортеров мне стало по-настоящему дурно. Я старалась дышать глубже, вдыхая через нос, а выдыхая ртом.

Двое нанятых Юлией охранников помогли нам выйти из машины. Ноги казались ватными, колени дрожали, и, когда мы шли к кладбищенской церкви, я находилась почти в состоянии шока. Журналисты и папарацци кричали нам вслед, но, кроме наших с Джеймсом имен, я не могла разобрать ни слова. Игнорируя их, я быстро зашагала дальше. Когда мы подошли к церкви, работники кладбища открыли перед нами двери, так чтобы мы без промедления могли зайти.

Первое, что я увидела, – гроб, установленный перед алтарем. Он был черный, и на его гладкой, лакированной поверхности играли блики света от подвесных светильников, прикрепленных высоко под сводом.

Потом я увидела женщину, стоящую прямо у гроба. У нее такие же рыжие волосы, как у мамы, только они спадали ей на плечи мягкими волнами. На ней надето черное пальто ниже колен.

– Тетя Офелия? – хрипло окликнула ее я и сделала шаг вперед.

Она обернулась. Офелия на пять лет младше мамы, и, даже несмотря на мягкие черты ее лица, с первого взгляда было заметно, что они сестры.

– Лидия, – в глазах тетушки я увидела ту же глубокую скорбь, какую чувствовала все эти дни.

Я хотела подойти к ней и обнять, но не успела сделать и шага, как отец поймал меня за локоть. Ледяным взглядом он окинул Офелию. Едва заметно покачал головой, давая понять: нельзя. Я почувствовала пульсирующую боль во всем теле. Это же похороны мамы. Возможно, они находились не в самых лучших отношениях, но ведь мы на похоронах. И я уверена, мама хотела бы, чтобы мы поддержали Офелию.

Не обращая внимания на мое сопротивление, папа обнял меня за плечо. Это не было жестом любви и ощущалось как наказание. Когда он вел нас к нашим местам, я еще раз оглянулась в поисках Офелии, но она исчезла в море одетых в траур людей.

Похоронную процессию сопровождала дюжина охранников, которые шли рядом с нами, не подпуская репортеров. Хотя большинству хватало такта оставаться у края дороги, некоторые подбегали с камерами так близко, что я могла бы дотянуться до них рукой.

Спустя какое-то время я взглянула на Джеймса, он шел рядом со мной, стоически упершись взглядом в спину отца. Его лицо было каменным, а мне так хотелось заглянуть ему в глаза. Тогда я, кто знает, поняла бы, что творится у него на душе. Возможно, он под наркотиками или выпил перед тем, как отправиться сюда. В последние несколько дней – вернее, с того вечера, когда у нас ночевала Руби, – он совсем ушел в себя и не разговаривал ни со мной, ни с ребятами. Я не могу поставить это ему в вину. Во многих отношениях мы думаем и действуем одинаково. Я и сама нуждалась бы в «допинге», в чем-то, что помогло бы пережить эти ужасные, затянувшиеся дни скорби.

Во время траурной речи, которая никак не хотела заканчиваться, я мысленно отключилась. Я бы не выдержала всех этих слов, которые пастор говорил о маме. Я воздвигла невидимую стену между мной и окружающими и сосредоточилась на том, чтобы не всхлипывать слишком громко. Представляю, как бы воспринял истерику отец.

Эту стену я старалась удержать, когда мы наконец подошли к маминой могиле. Я уставилась на черную яму, вырытую в земле, и упорно отгоняла все эмоции.

Это ненадолго помогло. Пастор снова заговорил, но я не слушала и ни о чем не думала.

Но, когда гроб опускали в могилу, мне показалось, что воздух больше не поступает в легкие. Все мысли, с которыми я боролась последние несколько часов, прорвались на поверхность моего сознания.

В гробу лежит безжизненное тело мамы.

Она больше не вернется.

Она умерла.

Мне стало дурно. Тяжело дыша, я зажала рот рукой и пошатнулась.

– Лидия? – словно издалека донесся голос Джеймса.

Я только мотала головой и судорожно вспоминала папины наставления перед похоронами. Стоять прямо, не снимать солнцезащитные очки дольше чем на полминуты, и чтобы никаких слез. Он не хотел дарить прессе больше драмы, чем нужно.

Мне стоило последних сил взять себя в руки. Я старалась не думать о маме. О том, что больше не смогу спросить ее совета. О том, что она больше никогда не принесет в комнату чай, когда я засижусь за уроками. О том, что не смогу ее обнять. О том, что она не увидит своего внука. О том, что я абсолютно одна и боюсь потерять Джеймса с папой, потому что наша семья с каждым днем понемногу разваливается.

Из горла вырвался тихий всхлип. Я крепко сжала дрожащие губы, чтобы больше не издать ни звука.

– Лидия, – повторил Джеймс, на этот раз настойчиво. Он придвинулся ко мне так, что наши локти соприкасались сквозь плотную ткань верхней одежды. Я медленно посмотрела на него. Джеймс снял темные очки и глядел вокруг беззащитными глазами. В них я увидела то, чего так отчаянно искала всю последнюю неделю. То, что напомнило мне, что у меня есть брат и он всегда

будет рядом.

Джеймс осторожно поднял руку к моему лицу. Хотя она была ледяной, я все равно почувствовала облегчение, когда он погладил меня по щеке.

– Плевать на отца, – прошептал он. – Если хочешь плакать, плачь. О’кей?

Благодаря этой откровенности стена между нами окончательно разрушилась. Я дала волю чувствам, и они превратились в ураган, потому что Джеймс был рядом, чтобы поддержать. Он обнял меня за плечи и крепко прижал к себе. Я уткнулась лицом в его грудь. И почувствовала себя как дома, на сердце стало намного легче. Пока слезы непрерывно капали на пальто, мы вместе смотрели, как гроб опускался глубже под землю, пока не достиг дна могилы.

5

Руби

В среду я снова пошла в школу. Я пропустила больше недели занятий и теперь могла ощутить последствия такого поведения. Хотя на выходных Лин поделилась со мной конспектами, на уроке было трудно следить за происходящим. Меня дважды спросили на истории, и я не смогла дать внятного ответа. Правда, мистер Саттон, похоже, даже не заметил, как смущенно я опустила глаза в планер. Он сам, казалось, был не в порядке, мысленно наверняка уносился совсем в другое место. Интересно, он так же часто думает о Лидии, как я о Джеймсе?

К полудню я была совершенно раздавлена. Мне хотелось засесть в библиотеке и еще раз просмотреть материалы к следующим урокам, но желудок так сильно урчал, что пропустить обед я не могла.

По дороге в столовую Лин взяла меня под руку:

– Все в порядке? – спросила она, заглядывая мне в лицо.

– Больше я не пропущу ни дня, – недовольно проворчала я, и мы вместе направились к столовой. – Это ужасное чувство, когда не понимаешь, чего от тебя хотят учителя.

Лин похлопала меня по руке:

– Ничего, ты все равно держалась достойно. Не позднее следующей недели ты все наверстаешь.

– М-м, – промычала я, когда мы свернули за угол. – Но это было… – я на полушаге замерла.

Мы стояли в главном зале Макстон-холла. Лестница справа от нас вела в подвал.

Лестница, на которой Джеймс впервые меня поцеловал.

Воспоминание о том, как он приник ко мне губами, неожиданно оживило мои чувства. Оно пронеслось перед глазами, словно фильм: его губы скользят по моим, его руки крепко держат меня, его уверенные движения, от которых подкашиваются колени… Но вдруг мое лицо в этом фильме стало меняться – оно исказилось, черты стали чужими. Теперь Джеймс обнимал не меня, а Элейн и страстно целовал ее.

Внезапно судороги сжали мой желудок, и мне стоило больших усилий не скорчиться от боли.

Тут кто-то врезался в меня сбоку – и я снова очутилась в Макстон-холле. Вместо поцелуя перед глазами была пустая лестница в подвал и люди, бредущие в столовую. Даже спазмы в желудке утихли.

Я глубоко вздохнула. Сегодняшний день можно сравнить с поездкой на американских горках. Каждый раз, когда я еду вверх – кажется, что все нормально и я как-нибудь справлюсь, – но стоит увидеть что-то, напоминающее о Джеймсе, как я снова погружаюсь в пучину боли.

– Руби? – окликнула меня Лин; судя по озабоченному выражению ее лица, окликнула не в первый раз за последние минуты. – Все хорошо?

Я заставила себя улыбнуться и кивнула.

Лин нахмурилась, но допытываться не стала. Вместо расспросов она продолжила то, что пыталась делать весь день: отвлекать меня. По дороге в столовую она рассказывала о новых сериях манги от Цугуми Оба и Такэси Обата, которые она прочитала взахлеб. Она так восхищалась ими, что я немедленно достала планер и занесла их в список для чтения.

Когда мы наконец поели и пошли сдать подносы, там неподалеку стояла, прислонившись к стене, незнакомая мне девушка. Она болтала с каким-то парнем, но замолчала, увидев меня. Выпучив глаза, она ткнула его – не то чтобы незаметно – локтем в бок. Я попыталась их игнорировать.

– Это случайно не тебя столкнули в бассейн на вечеринке у Сирила Веги? – спросила она, сделав шаг ближе.

От ее вопроса я вздрогнула. Этот чертов бассейн связан с худшими воспоминаниями в моей жизни, и я бы с удовольствием избавилась от них с помощью лоботомии.

Не ответив, я ждала, когда лента проедет дальше, чтобы поставить поднос и смыться отсюда.

– Джеймс Бофорт спас тебя. Ходят слухи, что ты его тайная подружка. Это правда?

Казалось, будто стены столовой медленно, но верно надвигаются на меня. Сейчас они раздавят мое хрупкое тело.

– Будь она его девушкой, то присутствовала бы на похоронах, – ответил ей парень так громко, чтобы я услышала.

– Ну, поэтому я подчеркнула слово тайная. Возможно, это одна из его грязных тайн. Ты же знаешь, сколько их у него.

Наконец прозвенел звонок.

Я выронила из рук поднос.

Под ногами всюду валялись осколки. Я уставилась на горошинки, которые катились по полу, и не могла пошевелиться, чтобы их собрать. Тело будто окаменело.

– Прекратите нести чушь, – раздался чей-то низкий голос. На плечи легла сильная рука и вывела меня из столовой. Позади, словно издалека, я слышала голос Лин, она что-то кричала, а Низкий Голос твердо шел дальше, пока не привел меня к лестничной клетке. Только теперь он убрал руку с моего плеча и встал перед мной. Я взглянула на бежевые брюки, темно-синий блейзер и на… лицо Кешава Пателя.

Я заморгала, пока не осознала, что передо мной действительно он. Его черные волосы были собраны в низкий узел, и он как раз убирал назад выбившуюся прядь. Темно-карие глаза Кешава смотрели прямо на меня.

– У тебя все в порядке? – тихо спросил он.

Кажется, я могла бы сосчитать по пальцам одной руки, сколько раз мне доводилось слышать речь Кешава. Из друзей Джеймса он был самым тихим. Если Алистера, Сирила и Рена я хоть немного знала, то об этом парне не имела никакого представления – он как тайна за семью печатями.

– Да, – хрипло ответила я и тут же откашлялась.

Оглядевшись, я сообразила, где мы находимся.

Здесь состоялось мое первое знакомство с Джеймсом: под лестницей, вдали от любопытных глаз. Здесь он хотел дать мне взятку, а я кинула ему в лицо его же деньги. Теперь все в этой проклятой школе будет напоминать о Джеймсе?

– Хорошо, – сказал Кешав. Он развернулся, сунул руки в карманы и ушел. Я смотрела ему вслед. Не прошло и минуты, как из столовой с мрачным лицом выбежала Лин и стала озираться.

– Я здесь, Лин, – пробормотала я, выходя из-под лестницы.

– Я им высказала все, что думаю, – прорычала она, направляясь ко мне. – Какие же идиоты. А чего хотел Кешав?

Наморщив лоб, я смотрела в ту сторону, куда он ушел.

– Понятия не имею.

На сегодняшнем собрании оргкомитета первым в списке дел стояла упаковка подарков от тайного Санты. Ученики и ученицы в последние две недели сдавали нам подарки, которые мы – по традиции – раздадим в последний день перед рождественскими каникулами.

Обычно мне нравится перевязывать письма и сладости и упаковывать их в маленькие мешочки Санты, которые потом будут разносить почтальоны из младших классов. Но, несмотря на рождественские песни, которые мы включили, в этот раз настроение было так себе.

Возможно, все потому, что очень много писем пришло Бофортам, и мы сперва не могли решить, что нам с ними делать. Джеймс с Лидией сейчас не в школе, поэтому сами их забрать не смогут, и сомневаюсь, что было бы правильно отправить письма им домой. Если бы я могла просто спросить их… Но, поскольку такой опции нет, мы устроили голосование и решили пока эти письма попридержать. В конце концов, мы даже не знаем, что в них и не позволил ли себе кто бестактную шутку.

Всю оставшуюся часть собрания я ловила себя на том, что смотрю на пустой стул, на котором сидел Джеймс, когда отбывал свое наказание. Кажется, теперь и правда все будет напоминать о нем, и это при том, что я очень хочу забыть его и то, что нас связывало. Каждый раз, когда я думаю о Джеймсе, мне кажется, будто кто-то сдавил мое сердце.

Словами не передать, как я зла на него.

Как он мог так со мной поступить?

Как?

В то время как мне становится противно от одной только мысли, чтобы подпустить к себе близко кого-то, кроме него, Джеймс, не раздумывая, целуется с другой.

А хуже всего то, что я испытываю не только ярость, но и сострадание. Он потерял маму, и каждый раз, когда меня переполняет жгучая злость, я чувствую вину. Хотя понимаю, что мне не в чем себя винить.

Это несправедливо и тяжело, и вечером, вернувшись домой, я была вымотана этими противоречивыми чувствами. Школа отняла оставшиеся силы, и я не смогла сохранять радостное лицо для семьи. С тех пор как мама узнала о смерти Корделии Бофорт, она обращалась со мной как с сырым яйцом. Я не рассказывала ей о том, что произошло между мной и Джеймсом, но у нее – как и у всякой матери – отлично развит материнский инстинкт, от которого некоторые вещи просто невозможно скрыть. Например, что дочь страдает от неразделенной любви.

Я была так рада, когда вечером наконец легла в кровать. Но при всей моей усталости я еще час проворочалась без сна. Здесь меня ничто не отвлекало. Больше не было ничего, что могло бы встать между мной и моими мыслями о Джеймсе. Я закрыла лицо рукой и зажмурилась. Я хотела оказаться в темноте, но видела перед собой лицо Джеймса. Его улыбку, огонек в глазах, красивый изгиб губ.

Выругавшись, я скинула одеяло и встала. Было холодно, и руки покрылись гусиной кожей, когда я пошла к столу и взяла ноутбук. Я вернулась в кровать и натянула одеяло до подбородка. Подложив подушку под спину, открыла ноут и зашла в браузер.

Казалось, я делаю что-то запретное, вводя в поисковую строку имя.

Д-ж-е-й-м-с-Б-о-ф-о-р-т.

Enter.

Через 0,50 секунды выдало 1 930 760 результатов.

Ух ты.

Под строкой поиска высветились картинки. Фотографии Джеймса в сшитых на заказ костюмах фирмы «Бофорт», снимки, сделанные во время игры в гольф с отцом и друзьями. На них он выглядел уверенно, как будто весь мир лежал у его ног.

Но когда я открыла остальные фотографии, то увидела другую, менее идеальную картину. Целый ряд размытых снимков на телефон, на которых юный Джеймс сидел за столом, склонившись над дорожкой белого порошка. Снимки, на которых он заходит и выходит из клубов в обнимку с женщинами, определенно старше его. Фото, на которых он под кайфом или пьян. Разница между этим Джеймсом и тем, что одет с иголочки, фотографируется с родителями и Лидией на каких-нибудь торжествах, просто огромна.

Я вернулась назад к поиску. Под серией снимков было полно статей, в основном о внезапной смерти Корделии Бофорт. Читать их не хотелось. Меня они не касались, а в новостях об этом сообщалось достаточно. Я проматывала ленту дальше, пока не наткнулась на инстаграм Джеймса. Я без колебаний открыла ссылку.

Его профиль – пестрая смесь из различных фотографий. Там были книги, зеркальные фасады небоскребов, макросъемка оштукатуренной стены, скамейки, кривые ступени, Лондон с высоты птичьего полета, ступни в кожаных туфлях на перроне, окно с утренним солнцем. Если бы то и дело не попадались фотографии с друзьями или с Лидией, я бы никогда не подумала, что этот профиль принадлежит Джеймсу.

На снимках с ребятами у Джеймса на лице застыла та самая ухмылка, которая сводила меня с ума – непостижимо надменная, но вместе с тем настолько притягательная, что начинало покалывать в животе.

Одна фотография сразу бросилась мне в глаза. На ней смеющиеся Джеймс и Лидия. Такое не часто увидишь. Я не припомню, чтобы когда-нибудь слышала смех Лидии. С Джеймсом же наоборот, достаточно взглянуть на фото, чтобы услышать хорошо знакомый смех. Я скучаю по его смеху, по его голосу, по нашим разговорам… по всему.

Я не раздумывая сохранила эту фотографию на рабочий стол. Знаю, как это глупо, но мне плевать. Всю свою жизнь я поступаю рационально. В этот раз я позволила себе подчиниться чувствам.

Последние снимки в профиле Джеймса были завалены соболезнованиями. Я бегло просмотрела комментарии и тяжело сглотнула. Некоторые казались не только бестактными, но и жестокими. Читал ли Джеймс все это? Что же он чувствовал при этом? Если для меня они ужасны, я даже не представляю, как их воспринял он.

Один комментарий отличался особой бестактностью.

xnzlg: кому нужны фотки с похорон бофортов, загляните ко мне в профиль

Палец замер над сенсорной панелью, и я почувствовала, как щеки загорелись от ярости. Я кликнула на профиль, чтобы пожаловаться, и застыла.

Вся лента xnzlg состояла из фотографий Джеймса и Лидии. Оба в черном, на кладбище. Они стояли прижавшись друг к другу. Джеймс обнимал Лидию, упершись подбородком на ее голову.

К глазам подступили слезы.

Зачем это сделано? Зачем фотографировать самый тяжелый момент в жизни семьи, которая и без того сломлена, чтобы потом запостить эти снимки в интернете? Никто не имеет права вторгаться в личное пространство.

Я вытерла слезы и попыталась разобраться с xnzlg. Пожаловалась на профиль. Сразу после пометила комментарии под снимками Джеймса как спам, пока они не исчезли.

Это единственное, что я в этот момент могла сделать, но этого недостаточно.

Фотографии разбудили во мне чувства, которые накопились за последнюю неделю, и я уже не могла их контролировать. Сочувствие Джеймсу и Лидии взяло верх.

Я захлопнула ноут и сунула его обратно в мягкий чехол, затем взяла телефон и открыла новое сообщение. Я решила написать Лидии.

Не знаю, рассказала ли Лидия семье о беременности, но в любом случае она должна знать, что ничего не изменилось, и я, несмотря ни на что, буду рядом, если надо. Я набрала:

Лидия, мое предложение остается в силе. Если захочешь поговорить, дай знать.

Немного обождав, я отправила сообщение и уставилась на телефон в руке. Знаю, что разумнее было бы его отложить. Но я не могла по-другому. На автомате я открыла историю нашей с Джеймсом переписки.

Трудно поверить, что первое сообщение от него пришло чуть больше трех месяцев назад. Казалось, с того вечера, когда Джеймс позвал меня в офис «Бофорт», прошли годы. Я вспомнила, как мы примеряли викторианские костюмы и внезапно пришли родители. Моей первой мыслью, когда я увидела Корделию Бофорт, стала: «Я хочу быть такой, как она».

Я была поражена тем, как она заполнила своей энергетикой пространство вокруг, ничего не сделав и не сказав ни слова. Несмотря на суровое лицо Мортимера Бофорта, не возникало сомнений, за кем из них двоих последнее слово в фирме. Хотя я ее толком и не знала, тем не менее горевала по матери Джеймса.

И горевала вместе с Джеймсом. Когда я была у него, он ляпнул, что был не так уж и привязан к матери, но это неправда. Он любил ее, я поняла это, когда он плакал у меня на руках.

Мой взгляд упал на шкаф. Не раздумывая, я пошла к нему и открыла дверцу. Затем наклонилась вниз. Вниз, к последней полке, где за старой тренировочной сумкой лежала толстовка Джеймса. Та самая, которую он надел на меня после вечеринки у Сирила. Я осторожно достала ее и уткнулась в ткань. Хотя из нее выветрились почти все запахи, мягкий материал все равно разбудил во мне воспоминания. Я закрыла дверцу шкафа и вернулась к кровати, на ходу натягивая на себя толстовку и пряча пальцы в рукава.

Не понимаю, как это могло быть, что изнутри меня поедала злость, но вместе с тем я так сильно сочувствовала Джеймсу, что казалось, не выдержу больше ни секунды.

Я нерешительно взяла в руки телефон. Повертела туда и сюда. Я хотела написать Джеймсу, но в то же время сомневалась. Мне хотелось его утешить, но в то же время и накричать на него, обнять и ударить.

В конце концов я напечатала короткое сообщение.

Постоянно думаю о тебе.

Я посмотрела на эти слова и набрала в легкие побольше воздуха. Нажала на «Отправить» и отложила телефон в сторону. Взгляд упал на будильник на ночном столике. Время было за полночь, а сна ни в одном глазу. Даже если я выключу свет, мне все равно не заснуть, я знаю.

Я подняла рюкзак на кровать и достала сегодняшние конспекты. Как только я опустилась на подушку и начала читать, телефон завибрировал. Затаив дыхание, я открыла сообщение.

Я скучаю по тебе.

По телу пробежали мурашки. Не знаю, чего я ожидала. Но уж точно не такого ответа. Пока я перечитывала эти четыре слова, пришло следующее сообщение.

Я хотел бы увидеть тебя.

Буквы расплылись перед глазами, и, хотя я лежала под одеялом в теплой толстовке Джеймса, мне стало холодно. Внутри боролись разные чувства: тоска по нашему общению, неописуемая злость на него и одновременно глубокая печаль, как будто я тоже кого-то потеряла.

Как бы мне хотелось написать, что я чувствую то же самое. Что мне тоже его не хватает и что больше всего на свете я бы хотела приехать к нему и быть рядом.

Но так нельзя. В глубине души я чувствовала, что не готова к этому. После того, что произошло, – нет, не готова. После того, что он сделал со мной. Это слишком больно.

Я собрала всю волю в кулак, чтобы написать ответ:

Я не могу.

6

Руби

Рождество – мой любимый праздник.

Мне нравятся пышные декорации, которые превращают весь мир в страну чудес.

Нравится вкусная еда, музыка, фильмы – и, конечно, рождественское печенье. Я люблю искать подарки для семьи или мастерить их, а в конце с любовью упаковывать. Обычно время перед Рождеством кажется волшебным – как будто Санта-Клаус, Ледяной Джек или еще какой-нибудь персонаж посыпал мир волшебными блестками.

Но в этом году все по-другому.

Хотя нет. В этом году все как всегда. Только я другая.

Рождественские приготовления больше не доставляют мне никакой радости, потому что я непрерывно думаю о Джеймсе. Я стараюсь отвлечься и не думать о нем, но не выходит. Все произошедшее в последнее время снова и снова крутится у меня в голове, словно фильм, пока я не выхожу на прогулку, чтобы выкинуть мысли из головы.

Бывают дни, когда я не хочу вставать с кровати и мечтаю о возможности путешествовать во времени. Я хотела бы опять оказаться в том мире, где никто в Макстон-холле не знает моего имени, по крайней мере Джеймс. Иногда я лежу на кровати и смотрю на снимок, где он улыбается, или на афишу вечеринки в честь Хэллоуина, где мы сфотографированы вместе. Я помню это ощущение: моя рука в его руке. Его поцелуй. Его тихий голос, шепчущий мое имя.

Каникулы пришлись как раз кстати. У меня, по крайней мере, была возможность отдохнуть от Макстон-холла. Хотя Джеймс вернется в школу только в следующем семестре, я все равно буду паниковать на каждом углу в ожидании, что он может там объявиться. И я бы этого не вынесла. Пока что нет.

К счастью, моей семье хорошо удается меня отвлекать. Мама с папой грызутся на кухне, и минимум раз в день я выступаю в качестве третейского судьи, который решает, вкуснее ли мамины кексы с экзотической приправой, которую добавил папа, или без. Много лет до этого я в большинстве случаев была на стороне мамы, но сейчас, к своему удивлению, поняла, что в этот раз отдам победу папиному креативу.

Остальное время Эмбер занимала нас всевозможными квестами. Мы сделали – по ощущениям – тысячи две снимков для ее блога, хотя я уверена, что половина не годится, потому что на холоде у меня слишком дрожали руки. Кроме того, в этом году она придумывала подарки для семьи, что обычно было моим любимым занятием перед Рождеством. У нее возникли крутые идеи: бабушка с дедушкой получат календарь с семейными фотографиями, мама – корзинку с набором косметики. Для папы мы с Эмбер нашли по объявлению миленькую полку для специй из шестидесятых, которую прежний владелец, после того как мы немного поторговались, продал нам за десять фунтов.

– Ты так нахально торгуешься, – сказала Эмбер, когда мы чистили эту полочку в нашем маленьком гараже. Сморщив нос, она убирала паутину с задней стороны полки. – Возможно, тебе стоит пересмотреть выбор профессии.

В это время я расстилала на полу газету, чтобы мы могли на ней покрыть лаком эту полку, и вымученно улыбалась.

Она испытующе посмотрела на меня, и между бровей у нее образовалась морщинка.

– Не хочешь наконец со мной поговорить?

– О чем? – глухо ответила я.

Она издала короткий смешок:

– О том, почему ты ведешь себя как робот. О том, что тебя гложет.

Я вздрогнула от ее слов. До этого момента Эмбер не расспрашивала о моем поведении, а вела себя так, будто это нормально, что я выхожу из комнаты только в случае крайней необходимости и почти ни с кем не разговариваю. Она не донимала меня расспросами, за что я бесконечно благодарна.

Очевидно, этот благостный период закончился.

Она не знает, что произошло между мной и Джеймсом в Оксфорде, а уж тем более о его поцелуе с Элейн. Я чувствовала, что должна пережить это все внутри, прежде чем расскажу о случившемся кому-то еще. Выдержать день в школе стоило больших усилий. Но Эмбер не просто моя сестра, она моя лучшая подруга. Я знаю, что могу ей доверять. Может быть, пора скинуть с себя эту ношу?

Я сделала глубокий вдох:

– Я переспала с Джеймсом.

Вообще-то, не так я хотела начать, но ладно.

Эмбер выронила пылесборник:

– Ты сделала – что?

Не глядя на нее, я вытянула медицинскую маску из упаковки и стала ее расправлять, дергая за резинки, которыми она должна была крепиться за ушами.

– На следующий день он целовался с другой, – добавила я дрожащим голосом. Я таращилась на белые резинки медицинской маски, а Эмбер подошла ближе и присела на корточки.

– Руби, – тихо прошептала она и осторожно положила свою руку мне на спину, и я почувствовала, как рушится последнее сопротивление.

Мы с Эмбер не всегда были так близки, как сейчас. Только после несчастного случая с папой мы с ней сдружились, потому что надо было поддерживать друг друга, когда ему становилось плохо и он злился на весь мир. Только вместе мы смогли с этим справиться.

У меня никогда ни с кем не будет такой связи, какая возникла тогда с Эмбер, и теперь, когда она дотронулась до меня, слова так и полились потоком. Я рассказала ей все: о вечеринке на Хэллоуин, об отце Джеймса и его требованиях к сыну, о том, как Джеймс страдает от давления, об Оксфорде и обо всем, чем мы с ним там занимались. О том вечере, когда Лидия приехала за мной и мы вместе поехали к Сирилу. О Джеймсе, который нюхнул наркоты и прыгнул в бассейн. И об Элейн Эллингтон.

Во время моего рассказа на лице Эмбер мелькали разные эмоции: сострадание, возмущение, недоверие, волнение и, наконец, ужасный гнев. После того как я закончила, она около минуты просто смотрела на меня, широко раскрыв глаза, затем, не говоря ни слова, крепко обняла. Впервые за это время мне не хотелось плакать. Вместо этого я почувствовала внутри тепло.

– Я не знаю, что теперь делать, – лепетала я в плечо Эмбер. – С одной стороны, то, что с ним произошло, – ужасно. Я хотела бы быть рядом с ним. Но с другой стороны, я больше никогда не хочу его видеть. После того как он поступил. Я бы с удовольствием поехала к нему и накричала на него, но я не могу, ведь я знаю, как ему плохо.

Эмбер оторвалась от меня и глубоко вздохнула. Она убрала волосы с моего лица за уши, нежно погладила по голове теплой рукой:

– Бедняжка Руби.

Я тяжело сглотнула и собралась с силами, чтобы выговорить страшные слова:

– Я ненавижу его.

В зеленых глазах Эмбер читалось откровенное сочувствие:

– Я тоже.

– Но в то же время я сомневаюсь, что вообще имею на это право.

Нахмурившись, она помотала головой:

– Ты имеешь полное право так чувствовать себя, Руби. Ты думаешь, для таких случаев есть особые правила, но их нет. Ты чувствуешь то, что чувствуешь.

Я нерешительно что-то бормотала.

– И если тебе захочется влепить Джеймсу по морде, это вполне легитимно – как бы он там себя ни чувствовал, – наставительно продолжала Эмбер. – Твои чувства не должны зависеть от его чувств. Он повел себя как подонок, и я думаю, ты спокойно можешь ему об этом сказать. Да что там ему – ты можешь сказать об этом всему миру.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить слова Эмбер.

– Просто кажется, – наконец медленно начала я, – что ничего не изменится, какие бы чувства я себе ни разрешила. Больно ли мне из-за смерти его мамы, или оттого, что он меня обманул. Поэтому я стараюсь…

– …вообще ничего не чувствовать, – закончила за меня Эмбер.

Я кивнула.

– Звучит не очень здоро?во, Руби.

Мы разом притихли, и я уставилась на свои ладони.

После долгой паузы Эмбер вздохнула:

– Я просто поверить не могу, что он действительно так поступил. То есть я знаю его репутацию, но… – она покачала головой.

– Я тоже думала, что попала в чужое кино. Его как будто… подменили.

– Это звучит жутко.

– Я не понимаю, почему он просто не пришел… Он мог бы обо всем рассказать. Мы бы… – я бессильно пожала плечами. Понятия не имею, что бы я сделала, если бы Джеймс пришел ко мне. В любом случае, всего этого не произошло бы. В этом я уверена.

– Думаю, в тот вечер ему было не до разговоров, – нерешительно начала Эмбер. – Кажется, он пытался разрушить свою жизнь окончательно. И плевать на последствия.

Я судорожно вздохнула.

– В любом случае, я понимаю, каково тебе. То, что ты чувствуешь, абсолютно нормально. Я тоже ненавижу его за то, как подло он с тобой поступил.

Эмбер снова обняла меня, и на этот раз я ответила на ее объятие.

– Спасибо, Эмбер, – прошептала я.

Спустя какое-то время она отстранилась и мягко улыбнулась:

– Ну что, начнем? – Она указала на полочку для специй.

Радуясь тому, что больше не придется говорить о своих чувствах, я кивнула. Мы надели маски и начали подбирать подходящую музыку. Эмбер остановилась на рождественском альбоме Майкла Бубле, и мы принялись покрывать полочку лаком.

– А у меня, кстати, уже шестьсот подписчиков, – сказала Эмбер.

Я радостно ахнула и обозначила поклон:

– Ты просто королева.

– Я подумываю на летних каникулах отправить резюме в несколько модных предприятий Лондона. – Говоря это, Эмбер не поднимала на меня глаз, сосредоточившись на верхнем углу полки, который, собственно, давно был готов. Из-за маски я видела лишь часть лица сестры, но была почти уверена, что она покраснела.

– Хочешь, я помогу написать резюме?

Эмбер замерла и все-таки отважилась взглянуть на меня:

– Ты думаешь, это хорошая идея?

Я убежденно кивнула:

– Уже давно понятно, что ты хочешь заниматься модой. Я бы сказала, чем раньше начнешь, тем лучше.

Она молча продолжала водить по полке кистью.

Я пристально посмотрела на нее.

– Что-то не так? – спросила я.

Эмбер помедлила с ответом.

– Больше всего я хотела бы стажироваться на модном и экологичном предприятии, которое в то же время производит стильную одежду плюс-сайз, – наконец проговорила она. – Жаль только, что тяжело найти то, что отвечало бы всем этим критериям. Поэтому мне остается только разослать резюме во все фирмы, где есть стажировка. Но вопрос, какой смысл работать на предприятии,

в цехах которого на меня ничего не шьют. Понимаешь, о чем я?

Я кивнула:

– Да, но важно получить хоть какой-то опыт работы. Ты, по крайней мере, сможешь посмотреть на всю кухню изнутри и подумать, что можно изменить.

– Но я все равно волнуюсь, – вздохнула она. – Я постоянно задаюсь вопросом, не подводит ли меня мое чутье?

– Возможно, это просто от волнения. Подумай о том, сколько людей за тобой стоит. У твоего блога много читателей. Они все верят в тебя и в твое видение.

– Очень мило, что ты это говоришь.

– Я это говорю не из любезности. Я твердо верю, что в будущем ты создашь модную империю.

Эмбер расплылась в улыбке – несмотря на маску отчужденности, я поняла это по ее засиявшим глазам.

– Мы могли бы использовать каникулы на то, чтобы составить список компаний, которые тебе подойдут. Как ты на это смотришь? – настойчиво продолжала я, водя кисточкой по внутренней стороне полки.

– Хорошая идея. Я уже даже начала, потому что собираюсь написать гид по разумному производству плюс-сайз-моды.

Я хотела ответить: «Вот и договорились», но тут в дверь гаража постучали:

– Руби?

Мы с Эмбер замерли. Маме ни в коем случае не полагается видеть, что мы здесь делаем. Она не умеет хранить секреты, особенно когда речь идет о подарках папе. За прошедшие годы мы в этом не раз убедились.

– О нет, не входи! – в панике воскликнула Эмбер и загородила собой полку, чтобы мама ее не увидела, если просунет голову в дверь.

– Да я не к вам, – приглушенно крикнула она за дверью. – Руби, к тебе гости.

Мы с Эмбер растерянно переглянулись.

– Может, Лин? – предположила она.

Я отрицательно помотала головой:

– Нет, она уехала на рождественские каникулы с мамой в Китай, к родне.

Глаза Эмбер округлились:

– Ты думаешь, это?.. – Она не произнесла имени, но сердце в груди дрогнуло.

– Кто это, мам? – громко спросила я.

– Не могла бы ты просто выйти? Мне не хочется разговаривать с тобой через дверь.

Я закатила глаза и сняла с уха одну петлю маски, так что она свисала вниз, и я почувствовала себя хирургом, прервавшим важную операцию. Я чуть-чуть приоткрыла дверь и проскользнула в щель. Вскинув одну бровь, мама посмотрела на меня и на маску, а я заметила, что она привстала на носочки, чтобы бросить взгляд в гараж поверх моей головы. Я молниеносно захлопнула за собой дверь на замок.

– Кто там? – тихо спросила я.

Мамино лицо вмиг стало серьезным:

– Девушка Бофорт.

Сердце ушло в пятки. Из-за дежавю: тем вечером, когда Лидия искала здесь Джеймса, все было разрушено. Не могло же опять случиться что-то плохое.

Нет, только не это. Только не это.

– Где она? – спросила я.

Мама указала внутрь дома:

– В гостиной. Мы с папой будем на кухне, если что.

Я кивнула и полностью стянула с лица маску. Осторожно прошла через коридор к гостиной. На этот раз я была подготовлена, умные слова Эмбер еще свежи в моем сознании.

Лидия сидела на старом цветастом диване, сложив руки на коленях и уставившись на журнальный столик. На ней была свободная шифоновая блузка и черная плиссированная юбка, а волосы собраны в привычный для нее конский хвост. Волосок к волоску. Лидия как всегда производила впечатление, что все у нее в идеальном порядке.

Но апатичный взгляд говорил об обратном.

– Привет, – тихо сказала я, чтобы не напугать ее.

Лидия подняла голову и увидела меня в дверях. Она выдавила из себя усталую улыбку:

– Привет, Руби.

Какое-то мгновение я не знала, что делать, но решила все-таки подойти и сесть рядом с ней на диван. Я подавила желание завести светскую беседу и спросить, как дела и все ли в порядке. Вместо этого просто ждала.

Лидия тяжело сглотнула:

– Ты говорила, что я могу обращаться к тебе, если что-то понадобится.

Я растерянно посмотрела на нее, но тут же кивнула:

– Да, конечно. Что бы ни случилось.

Она неуверенно глянула в сторону двери, как будто ища кого-то. Наверное, боялась, что родители или Эмбер могут войти или подслушивают нас. Я пододвинулась к ней поближе.

– В чем дело? – тихо спросила я.

Лидия громко выдохнула и выпрямилась:

– Завтра прием у гинеколога, и нужно, чтобы кто-нибудь пошел со мной.

Прошло несколько секунд, прежде чем до меня дошло, что она сейчас сказала.

– Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой? – удивилась я.

Дрожа, она сжала губы и кивнула:

– Ты единственная, кто знает об этом.

– Что-то случилось? У тебя осложнения или нечто в этом роде?

Лидия отрицательно покачала головой:

– Нет, просто плановый осмотр. Но я бы не хотела… ехать туда одна.

Скольких же нервов ей стоило прийти сюда и сказать это. До сего момента я и не представляла, насколько Лидии, должно быть, одиноко. Если я единственная, кого она может попросить поехать с ней на прием к врачу.

У меня был единственный ответ на этот вопрос, и я выпалила его незамедлительно:

– Конечно, я поеду с тобой.

Кабинет врача был прежде всего стерильным. Белые стены, на которых не висело ничего, если не считать единственной картины. Позади письменного стола в левой части кабинета было широкое окно с закрытыми жалюзи, справа в углу висела голубая занавеска, за которой Лидия могла раздеться.

Мы сидели на стульях перед письменным столом и смотрели за тем, как гинеколог – доктор Херст – со скоростью света печатала что-то на компьютере.

Сначала было немного не по себе – явиться сюда вместе с Лидией. Однако когда медсестра попросила Лидию пописать в баночку, мне стало ясно, что мы обе проворонили тот момент, когда надо стесняться.

Теперь Лидия сидела рядом со мной и, постоянно косясь на дверь, теребила клетчатый шарф. Вполне возможно, она прикидывала, не лучше ли будет просто сбежать отсюда. Когда наши взгляды пересекались, я ободряюще улыбалась ей – по крайне мере, пыталась. Не знаю, в чем заключалась моя задача, но я вела себя так, как хотела бы, чтобы вел себя человек, сопровождающий меня в такой ситуации. Это, похоже, сработало, так как Лидия немного расслабилась.

После того как доктор Херст ввела в компьютер все данные, она сцепила пальцы перед собой на столе и немного подалась вперед. Лицо ее казалось дружелюбным, хотя черные волосы были собраны сзади в строгий пучок. У нее много милых морщинок, теплые карие глаза и приятный, спокойный голос.

– Как вы себя чувствуете, мисс Бофорт? – спросила она.

Я смотрела на Лидию, а она смотрела на врача.

Из нее вдруг вырвался какой-то истерический звук, больше похожий на смех. Но она тут же откашлялась, будто ничего и не было:

– По моим ощущениям все хорошо.

Доктор Херст понимающе кивнула:

– На прошлом осмотре вы жаловались на сильный токсикоз. Как сейчас обстоят дела?

– Стало лучше. Уже неделю не тошнит. Но иногда появляются боли, когда я встаю после долгого сидения. Это нормально?

Доктор Херст улыбнулась:

– Беспокоиться не о чем. Маточные связки сильно растягиваются, чтобы создать пространство для ребенка. От болей я могу прописать магний.

– Хорошо, это успокаивает, – с облегчением ответила Лидия.

После разговора доктор Херст отправила Лидию за занавеску, чтобы она разделась. Я осталась сидеть на стуле и во время осмотра разглядывала ту единственную картину, которая висела над письменным столом. Я пыталась понять, что бы могли означать эти хаотичные формы и мазки, – но тщетно. Буйное скопление желтого, красного и синего – возможно, это была одна из самых странных картин, которые я видела. Может, на ней изображен ребенок в утробе?

– Все в точности так, как и должно быть, – услышала я голос доктора Херст. – Шейка матки плотно закрыта, и если нет кровотечений, то все в порядке.

Лидия что-то промычала и пошла одеваться. Я с облегчением вздохнула. С этой частью мы справились.

– Теперь можете подойти к нам, мисс Белл.

Лидия расположилась на кушетке возле гинекологического кресла с задранной наверх блузкой. Ее пальцы лежали на голом животе, и я заметила, что на нем обозначилась отчетливая округлость.

Я улыбнулась в ответ на нервную улыбку Лидии и села рядом на стул. Доктор повернула аппарат к нам, и я поняла, что это УЗИ.

– Итак, мисс Бофорт, хотите посмотреть на вашего ребенка?

Лидия кивнула, она была заметно напряжена, и я придвинулась к ней поближе.

Доктор нанесла прозрачный гель на живот и приложила головку сканера.

Я завороженно уставилась на экран, но все равно ничего не смогла разобрать в хаосе черных и белых пятен. Но доктор Херст уверенно продолжала водить сканером по животу Лидии, и изображение в какой-то момент поменялось. Оно становилось все отчетливей и…

Я перестала дышать. Лидия вымолвила тихое «Ах».

Это вот справа на экране – наверняка головка ребенка.

– Вот он, – сказала доктор Херст, указывая пальцем на изображение. Она продолжила двигать сканер, и ребенок становился все отчетливей. Теперь я видела даже малюсенькие ручки и ножки. Это было так круто, самое восхитительное, что я видела в жизни.

– Вау, – прошептала я, и врач улыбнулась.

Я отважилась взглянуть на Лидию. Она круглыми глазами недоверчиво смотрела на экран.

– Подождите-ка, – вдруг насторожилась доктор Херст и приблизилась к экрану. На нем снова расплывались черно-белые пятна, но затем появился маленький пузырь.

– Что-то не так? – забеспокоилась Лидия. Я положила руку ей на плечо. От молчания доктора занервничала даже я. Ребенок двигался, я совершенно точно это видела. Не должно быть плохих новостей – только не сейчас. Лидия этого не выдержит.

– Мисс Бофорт, позвольте вам представить, – доктор Херст улыбнулась, повернувшись к Лидии: – Малыш номер два! – Она указала на точку на экране: –

Он спрятался за братиком или сестренкой, поэтому его плохо видно.

Лидия замерла. Она растерянно смотрела на монитор, на котором доктор Херст увеличила изображение. Хотя я ничего не могла разобрать, но поняла, что врач не врет.

Близнецы.

Лидия ждет не одного ребенка, а двойню. И хотя у нее были догадки, что детей будет двое, она все равно до последнего сомневалась.

Я и представить себе не могла, что сейчас творилось в ее голове. Неловко потрепав Лидию по плечу, я стала судорожно подбирать слова – как вдруг она запрокинула голову и засмеялась.

Мы с доктором Херст переглянулись, в наших глазах было понимание: нельзя осуждать ее за такую реакцию. Возможно, у Лидии шок. После всего, что с ней случилось за последнее время, я бы не удивилась, если бы она свихнулась.

– Этого не может быть, – она наконец перевела дыхание и повернула голову ко мне: – Это просто… у меня нет слов.

Доктор Херст нажала пару кнопок на аппарате и улыбнулась:

– Это разнояйцевые близнецы. Развиваются хорошо, все чудесно. У вас в семье были близнецы, мисс Бофорт?

Лидия кивнула и тут же отрицательно помотала головой, продолжая смотреть на экран.

– Она сама близняшка, – тихо вставила я, стараясь вытеснить из мыслей образ ее брата. Сейчас Джеймсу нечего было делать у меня в голове.

– Вам не надо бояться, – пыталась успокоить пациентку доктор Херст, но казалось, что до Лидии сейчас не доходит смысл ни одного слова. – Вы будете под пристальным наблюдением, и я советую вам пройти тест на сахарную нагрузку, чтобы предотвратить диабет беременных. Для этого давайте назначим

время…

Она прочитала нам небольшой доклад о здоровом питании и предстоящих обследованиях, но мне стало ясно, что Лидия уже не слушает.

Я смотрела на ее побледневшее лицо. Бедняге срочно требовалось успокоительное. И я приблизительно знала, чем могу ей помочь.

7

Руби

Снаружи Smith’s Bakery не особо выделялась. Пекарня находилась в цокольном этаже рядового дома, между моим любимым магазином подержанных вещей и итальянской службой доставки, которая была закрыта всегда, когда бы я ни проходила мимо. Фасад пекарни каждый год красили, но из-за английской погоды краска начинала отслаиваться уже через несколько недель, и здание выглядело так, будто его не мыли много лет. Курсивная золотисто-зеленая надпись находилась прямо над большим окном, через которое можно было увидеть свежую выпечку и сладости. От белого хлеба собственного приготовления, сконов и булочек до бэйквеллских пудингов и пирогов – здесь было все, что душе угодно.

– Когда мне плохо, я прихожу сюда, – призналась я Лидии, которая сейчас скептически разглядывала вход в пекарню. Я первой шагнула на ступеньку лестницы и придержала перед подругой дверь. Уже здесь мы почувствовали тепло от печи и запах свежеиспеченного хлеба.

– Это мой любимый запах, – сказала я, повернувшись к Лидии. – Если бы были духи с запахом горячего хлеба и корицы, я бы скупила все запасы и купалась бы в них, чтобы больше никогда ничем другим не пахнуть.

Уголки губ Лидии нервно дернулись. Как-никак эмоция – первая с тех пор, как мы ушли из приемной доктора Херст.

Фил, коллега моей мамы, как раз обслуживал покупателя, когда мы подошли к прилавку. Всю стену за его спиной занимали деревянные полки, на которых штабелями лежали багеты, буханки и караваи хлеба. На прилавке стояли две корзинки с кусочками хлеба, намазанными маслом, которые посетители могли попробовать. Я мимоходом взяла два кусочка, один сунула себе в рот, а второй протянула Лидии.

– Попробуй, – посоветовала я с набитым ртом. – Очень вкусный хлеб.

Лидия нерешительно взяла кусок.

Пекарня казалась маленькой и тесной. Помещение не было рассчитано на то, чтобы удобно расположиться здесь с чашечкой кофе, но два столика тут все же имелись. Один у входа на кухню, где готовили тесто, а второй настолько близко к прилавку, что посетители задевали его, когда делали заказ.

Я указала на маленькую скамейку и видавший виды деревянный стол в глубине помещения. Лидия, усаживаясь, внимательно осматривала пекарню и, кажется, пока не определилась, нравится ей здесь или нет.

Своим скептическим взглядом она напомнила мне ее покойную мать – та разглядывала меня так же, когда мы впервые стояли друг против друга.

Я прогнала это воспоминание из головы.

– Уже решила, чего хочешь? – спросила я.

Лидия смотрела на пироги.

– А что ты можешь посоветовать?

– Мой фаворит – бэйквеллский пудинг.

– Тогда его и возьму.

Я, улыбнувшись, кивнула и пошла к прилавку. Как раз в это время из кухни вышла мама. Увидев меня, она просияла и вытерла руки о фартук, надетый поверх полосатой рубашки с логотипом пекарни.

– Привет, мам, я тут с Лидией, – выпалила я, указывая большим пальцем через плечо на наш столик. – У нее был трудный день, и я подумала, что бэйквеллский пудинг с горячим шоколадом немного поднимет ей настроение, – шепнула я в надежде, что Лидия меня не услышит.

– Нет таких проблем, от которых не помогли бы бэйквеллский пудинг и горячий шоколад, – согласилась мама и заговорщицки подмигнула.

– Спасибо, мам.

Я вернулась к Лидии и села напротив нее на шаткий стул. Она подперла руками подбородок:

– Давно твоя мама здесь работает?

– Сколько я себя помню. Она начала сразу после школы.

Лидия слегка улыбнулась:

– Должно быть, в детстве тебе нравилось бывать здесь.

– Да уж, постоянно кексы и печенье, – сказала я, подергивая бровью.

Улыбка Лидии стала чуть-чуть смелей.

– А ты решила, чем бы тебе хотелось заниматься после школы? – спросила я.

Ее взгляд омрачился:

– А ты как думаешь?

– Лидия, твое будущее не перечеркивается тем, что у тебя будет ребенок.

Она опустила глаза и водила пальцем по дереву столешницы.

– Дети, – поправила она меня.

– Что? – не поняла я.

– Мое будущее не перечеркивается тем, что у меня будут дети. Множественное число. – Улыбка вернулась, хотя и слабая, и я не могла не улыбнуться в ответ.

Не знаю, как так получилось, но мы вдруг обе засмеялись, сначала тихо, потом все громче. Лидия прикрыла рот ладонью, как будто не могла до конца поверить, что делает. От этого ее смех мутировал в приглушенное фырканье, и это насмешило нас еще больше.

В этот момент подошла моя мама с подносом и поставила перед нами кружки, от которых исходил пар, и тарелки с пирогами.

– Что вас так развеселило? – спросила она.

Лидия сжала губы и зажмурилась, чтобы успокоиться. Потом посмотрела на маму и сказала ровным голосом:

– Мы с Руби смеемся над странностями жизни, миссис Белл. – Она наклонилась к горячей кружке. – Пахнет просто восхитительно.

Мама смущенно заморгала. Потом погладила Лидию по плечу. Она знала, что бедняжка недавно осталась без матери, и ей, разумеется, хотелось сделать для Лидии больше, чем просто принести горячий шоколад и пирог.

– Приятного аппетита.

Лидия смотрела ей вслед, пока она возвращалась за прилавок, к покупателям. Затем тихо вздохнула, придвинула к себе кружку с горячим шоколадом и обхватила ее ладонями.

– Раньше я всегда хотела стать дизайнером в «Бофорт», – наконец ответила она на вопрос.

– Ты можешь это… – и теперь, хотела сказать я, но одного взгляда Лидии было достаточно, чтобы заставить меня замолчать.

Она взяла ложечку и несколько секунд помешивала горячий шоколад.

– Раньше я и представить себе не могла ничего лучше, чем реализовать творческие способности в «Бофорт», но мама с папой считали, что мои идеи слишком современны и недостаточно традиционны, – продолжила она. – У нас постоянно возникали разногласия, потому что мне хотелось играть более важную роль в жизни компании, чем они для меня запланировали. В отличие от Джеймса я бы с радостью взяла на себя управление фирмой. Но для них всегда существовал лишь он. Я уяснила это с самого нашего рождения. Неважно, чего мы сами хотим. – Она достала ложечку из кружки и сунула ее в рот. И замычала от удовольствия.

– Это ужасно, что вы подвергались такому давлению. И подвергаетесь до сих пор. Мне трудно это представить, – сказала я и принялась за горячий шоколад. Тепло было так приятно, и мои замерзшие пальцы все больше и больше оттаивали.

Лидия выглядела такой печальной и подавленной, что мне захотелось ее обнять.

– Если посмотреть на нашу семью со стороны, может показаться, что мама с папой любят нас больше всего на свете и хотят для нас только лучшего. Хотели. Как и всегда. – Она откашлялась. – Не могу жаловаться на то, что так росла. Я не вправе. Не знаю, много ли тебе поведал Джеймс, но… были неудачные моменты, которые не исправить.

У меня неизбежно возник вопрос, не отца ли она имеет в виду. Не поднимал ли он руку не только на Джеймса, но и на Лидию. Если это так, то у меня есть причины беспокоиться за нее.

– Он рассказал лишь кое о чем, – уклончиво ответила я.

Хотя я понимала, что Лидия знает его лучше, чем кто бы то ни было другой, я не могла сказать правду. Даже после того, что случилось, я не могу злоупотребить его доверием.

– Кстати, ему лучше. Он больше не пил после похорон. Вместо этого теперь тренируется как одержимый.

Я вспомнила его пустой взгляд. Его слезы. Как он за меня цеплялся. Кровоподтеки и ссадины на его руке.

– А как у него дела с отцом? – осторожно спросила я.

– Ты знаешь про драку?

Я согласно кивнула.

– Папа делает вид, будто ничего не произошло. Он практически не бывает дома, а когда все-таки приезжает, то вызывает Джеймса к себе в кабинет, чтобы подготовить к совету директоров «Бофорт».

С одной стороны, я была рада, что отношения Джеймса с отцом не обострились, с другой, я знала, как Джеймс воспринимает фирму и каким наказанием является для него работа в «Бофорт». Мне стало жаль его, ведь ему пришлось приступить ко всему этому раньше, чем он ожидал.

– Может быть, вам удастся преодолеть проблемы в отношениях, Руби.

Я заглянула в бирюзовые глаза Лидии. Точно такие же глаза, как у Джеймса. И устало покачала головой:

– Не думаю. Честно говоря, и не хочу этого.

Я впервые сказала это вслух. Но это правда. Я не верю, что можно просто забыть то, что произошло между нами. И я совсем этого не хочу. Прежде всего не хочу, когда думаю о том, что ждет меня в будущем. Кажется, будто на все мои мечты легла тень только потому, что я доверила их Джеймсу, а он так обошелся со мной.

– Ты могла бы попробовать, – мягко предложила Лидия, но я снова отрицательно замотала головой.

– Я понимаю, что новость о смерти мамы выбила его из колеи, но… – я беспомощно пожала плечами: – Это ничего не меняет. Я ненавижу его за то, что он сделал.

– И тем не менее ты пришла, когда была ему нужна. Это же что-то значит, разве нет?

Помешивая шоколад, я глубоко вздохнула:

– Он очень дорог мне, да. Но вместе с тем я ни на кого еще так не злилась. И я не думаю, что эта злость просто пройдет.

Мы молчали. Ровный треск печи казался намного громче, чем несколько минут назад, как и звон колокольчика на двери, который извещал о появлении покупателей.

– Может, следовало поехать к врачу одной? – неожиданно спросила Лидия.

Я резко вскинула голову:

– Нет! Что ты!

На щеках Лидии появился румянец, и она вдруг показалась мне застенчивой. Интересно, о чем она сейчас думала?

– Если бы я знала, каково тебе, то ни за что не приняла бы твое предложение. Я…

– Лидия, – я перебила ее и протянула к ней руку. Она с удивлением смотрела, как сплелись наши пальцы.

– Все, что я тебе сказала, всерьез. Я хотела бы быть рядом с тобой. Наша дружба никак не связана с Джеймсом. Так ведь?

Она снова посмотрела на меня, и я увидела, что ее глаза подозрительно блестят. Она ничего не ответила, но коротко сжала мою руку. И этого было более чем достаточно.

8

Джеймс

Хриплые гитарные аккорды группы Rage Against The Machine гремели у меня в ушах больше часа, и от этого казалось, что все мое тело горит огнем. Но мне было мало.

Я стою перед силовым тренажером и сжимаю короткую штангу, закрепленную наверху карабинами. Тесно прижав локти к торсу, я поднимаю предплечья вверх, а затем протягиваю их вниз, снова и снова. Пот капает со лба на майку, мышцы рук дрожат, но я не обращаю на это внимания. Я просто продолжаю упражнение. В какой-то момент я достигну точки, когда буду так измотан, что у меня в голове останется лишь гулкий, бессмысленный шум, заглушив все мысли о компании «Бофорт», о маме или Руби. Проделав весь комплекс упражнений для рук, я сел на сиденье тренажера. Схватившись за рычаги, я стал медленно отжимать их вперед. Когда я отпускал их назад медленнее, напряжение в мышцах груди становилось заметнее.

То, что дверь в фитнес-зал открылась, я заметил только тогда, когда передо мной возникла Лидия, скрестив на груди руки. Сестра смотрела на меня сверху вниз и что-то мне говорила, но я не слышал ее из-за грохота музыки в ушах. Я невозмутимо продолжал упражнение. Лидия нагнулась ближе, поэтому ничего не оставалось, как посмотреть на нее. Ее губы медленно сформировали очередное слово, и мне не нужно было его слышать, чтобы понять.

Идиот.

Интересно, что опять я сделал не так. После похорон я, считай, не выходил из дома и не выпил ни капли алкоголя. Давалось мне это трудно, особенно в те

моменты, когда я не мог остановить мрачные мысли. Но я держался, в том числе и ради Лидии, чье дрожащее тело на маминых похоронах напомнило мне о том, что я как брат теперь за нее отвечаю. Поэтому я не мог объяснить себе, почему она сейчас с раскрасневшимися щеками стоит надо мной и о чем-то энергично вещает. И, стоит признаться, движения губ так забавно совпадали с ритмом музыки, как будто она синхронизировала ее губами.

Внезапно Лидия шагнула ко мне и выдернула у меня из уха один наушник:

– Джеймс!

– Что случилось? – спросил я, вынимая второй. Неожиданная тишина показалась угрожающей. В последнее время мне постоянно требовался шум вокруг, в противном случае я начинал много думать.

– Я хочу поговорить с тобой о Руби.

Я снял руки с рычагов и взял полотенце. Вытер сперва лицо, потом затылок, где скопился пот. Я старался не смотреть на Лидию.

– Понятия не имею, что ты…

– Да ладно тебе, Джеймс.

У меня было такое чувство, будто на мне слишком тесный галстук, который пережимает горло. Я закашлялся:

– Нет никакого желаниям говорить об этом.

Лидия смотрела на меня, качая головой. Уголки ее рта опустились, и она снова скрестила руки на груди. В этот момент она так походила на маму, что даже пришлось отвести взгляд. Я смотрел на полотенце, вытирая им руки, хотя они давно были сухими.

– Мне так хотелось бы тебе помочь. Вам.

Над этим я мог лишь горько посмеяться.

– Нет никаких нас, Лидия. И никогда не было. Я все испортил.

– Если ты ей объяснишь, – начала было Лидия, но я ее перебил:

– Она не желает слышать моих объяснений. И я не могу на нее за это обижаться.

Лидия вздохнула:

– Я все равно считаю, что у вас есть шанс. Лучше бы тебе завоевать ее прощение, чем изматывать себя нагрузками и предаваться жалости к самому себе.

Я вспомнил сообщение Руби:

Я не могу.

Разумеется, она не может. Я целовал другую девушку, и это непростительно. Я потерял Руби навсегда. И то, что Лидия явилась сюда и хочет убедить в обратном, убивает. Я хотел отключиться и отвлечься, но теперь это было уже невозможно. Медленно, но верно меня вновь начала наполнять злость. Злость на маму, злость на отца, злость на себя самого – и на весь мир.

– Тебе-то какое дело? – спросил я. Мои пальцы судорожно вцепились в махровую ткань полотенца.

– Вы для меня важны. Я не хочу видеть, как вы страдаете, черт возьми. Что, так трудно это понять?

– Руби не хочет моего возвращения, и я уж точно не стану ей навязываться. Тебе, кстати, тоже не следует этого делать. – Я встал и хотел пойти к беговым дорожкам, установленным перед большим панорамным окном, выходящим на заднюю часть нашего участка. Но мне не удалось уйти далеко: Лидия схватила меня за локоть. Я обернулся и с яростью сверкнул на нее глазами.

– Не смотри так злобно. Настанет время – и ты сам вернешься к себе, – фыркнула она, ткнув меня пальцем в грудь, – нельзя же, в конце концов, всех от себя

отталкивать.

– Тебя я не отталкиваю, – процедил я сквозь зубы.

– Джеймс…

Я попытался напялить на себя маску «не приближаться», которая была моим вторым лицом в школе и на публичных мероприятиях с семьей. Но ведь передо мной стояла Лидия. От нее мне никогда не приходилось ничего скрывать, поэтому и сейчас из этого ничего не вышло. Я раздраженно отбросил полотенце в сторону.

– Что ты хочешь от меня услышать, Лидия? – бессильно спросил я.

– Что вместе мы это выдержим, ты и я. Как всегда. – Она сглотнула и слегка коснулась моей руки. – Но если ты не хочешь честно поговорить со мной и отстраняешься, это не сработает.

Я презрительно фыркнул:

– Ты делаешь вид, что можешь говорить со мной обо всем. Как будто ты самый откровенный человек из нас двоих. Но мне всегда приходится из тебя все выжимать силой. Про твою интрижку с Саттоном я бы никогда и не узнал, если бы тебя не застукали! – Я оттолкнул ее руку и холодно посмотрел ей в глаза. – То, что мама умерла, еще не значит, что мы с тобой должны объединиться в заговоре против всего остального мира. Не делай из нас того, чем мы никогда не были, Лидия.

Она вздрогнула и отшатнулась от меня. Больше не взглянув на нее, я отвернулся и на ходу вставил в уши наушники. Если сестра и скажет что-нибудь еще, я ее не услышу. Громкая гитарная тема перекрыла отвратительную действительность моего мира.

Руби

Даже после недельного молчания воспоминания о Джеймсе так реальны, что у меня такое чувство, будто все было только вчера. Я плохо сплю. Я стерла его фотографии из своего ноутбука – чтобы на следующий же день снова их скачать и водить пальцем по улыбающемуся рту Джеймса, как какая-нибудь психопатка. Вместе с тем я кажусь себе обманщицей, потому что сказала Лидии, что не хочу его вернуть, но вся моя сущность придерживается другого мнения.

Я тоскую по Джеймсу.

Это абсурдно.

Абсурдно и безумно.

И я готова отхлестать себя за это по щекам. Он разбил мое сердце, черт возьми. По тому, кто поступил так, я определенно не должна тосковать.

Рождество наступило и прошло, и впервые в жизни я не могла порадоваться этому празднику. Фильмы, которые мы смотрели, были глупыми, и песни, которые мы слушали, звучали все на один мотив. Хотя я знаю, что родители старались изо всех сил, приготовленная ими праздничная еда казалась мне пресной. И вдобавок ко всему родственники постоянно расспрашивали меня, отчего я такая подавленная и не связано ли это с мальчиком, который подарил мне на день рождения ту чудесную сумку. В какой-то момент я уже не могла это выдержать и забилась в свою комнату, почти не выходя к ним.

Когда наступил День святого Сильвестра, 31 декабря, я решила, что так дальше продолжаться не может. Хватит так убиваться, я по горло сыта этим. Я всегда была позитивным человеком, радующимся любому новому начинанию. Я отказываюсь соглашаться с тем, что Джеймс может лишить меня этой установки.

Итак, я побежала в душ, нарядилась в самую любимую одежду – клетчатую юбку и свободную блузку кремового цвета, прихватила новенький блокнот и спустилась вниз, твердо решив объявить Эмбер и родителям свои планы на

новый год.

Но, спустившись в гостиную, я замерла.

– Что это вы здесь делаете? – ошеломленно спросила я.

Эмбер испуганно повернулась ко мне, как и Лин, которая как раз распределяла по стаканам разноцветные зонтички. Лидия занервничала, правда, лента серпантина в ее руке продолжила жить своей жизнью и раскручивалась самостоятельно. Мы молча наблюдали, как она осела на пол маленькой печальной кучкой.

Тут Эмбер встала передо мной, загораживая собой гостиную.

– Вот чего ты выползла из берлоги именно сейчас? – сердито спросила она. – Можно часы выставлять по твоим появлениям здесь, и вот, когда мы готовим для тебя сюрприз-девичник, ты вдруг объявилась. Это просто возмутительно, Руби!

Я растерянно переводила взгляд с одной подруги на другую. И по моему лицу расплылась широкая улыбка.

– Мы что, будем вместе праздновать Сильвестра? – осторожно спросила я.

Лин улыбнулась мне в ответ:

– Таков был план.

Когда это осознание дошло до меня, я крепко взяла Эмбер за локоть.

– Спасибо, – пробормотала я ей в плечо. – Я думаю, это как раз то, что сейчас нужно.

И то, что Эмбер это знала, лишний раз показало мне, что она понимает меня лучше, чем кто бы то ни было на свете.

– Я подумала, может, смогу сделать тебя чуть счастливее, – шепнула сестра.

Я кивнула. Впервые с тех пор, как произошла эта история с Джеймсом, я почувствовала искреннюю радость.

– Спасибо, – сказала я Лидии и Лин, по очереди обнимая их. – Я так рада.

После этого я помогала распускать оставшийся серпантин и рассыпать золотисто-розовое конфетти. Эмбер подключила к своему ноутбуку две древние приставки, купленные когда-то на блошином рынке, и, подыскивая между делом подходящий плей-лист, сообщила мне, как выглядит план на вечер. Она явно думала над этим и распланировала все до малейших деталей, за что я готова была еще раз кинуться к ней с благодарными объятиями. Но я сдержалась и вместо этого просто слушала ее, сидя на диване.

– Я подумала, что сначала было бы круто записать лучшие моменты за минувший год и зачитать их друг другу. После этого мы посмотрели бы кино (какое – это мы сейчас решим), и умяли бы гору попкорна, – она указала на гигантский тазик, стоящий на журнальном столике. Обычно папа использует его для многослойного салата, который всегда приносит на большие семейные встречи. Теперь он доверху был наполнен попкорном, маслянисто-сладкий аромат которого заполнял всю гостиную. У меня потекли слюнки.

– А потом мы съедим основное блюдо, – продолжала Эмбер. – Папа испек для нас пирог. Потом еще десерт – и вот мы, как я предполагаю, подбираемся к любимой части Руби.

Лин подняла вверх полупрозрачный пакетик, в котором я заметила маленькие книжки и несколько ручек.

Я даже не стала делать вид, что должна подумать, а сразу выпалила:

– Мы составим планы на новый год!

Эмбер с улыбкой кивнула:

– Как только наступит полночь, мы либо будем лежать в коме от обилия съеденного, либо устроим танцевальную вечеринку.

– Что-то одно состоится точно, – сказала Лидия и нагребла горсть попкорна, закинула себе в рот первый шарик, и на ее губах расцвела легкая улыбка. – А хороший план, ты не находишь, Руби?

– Хороший план? Да это самый лучший план, который я только слышала. Спасибо, девочки.

После этого мы уютно устроились на полу вокруг журнального столика. Лин принесла несколько больших листов бумаги, какие мы обычно используем в оргкомитете на мозговых штурмах и которые она вынесла из школы тайком. В то время как фоном у нас играл плей-лист Китона Хэнсона, мы расстелили перед собой эти листы.

– О’кей, – задала начало Эмбер. – Одним из самых ярких моментов этого года была работа над моим блогом и то, что он собрал вокруг себя так много новых читателей. – Она пометила это на своем листе.

– А у меня одной из кульминаций было то, что галерея моей мамы наконец-то вышла в плюс. В настоящий момент все у нас идет хорошо, и я надеюсь, что в будущем году так и останется, – сказала Лин, глядя при этом не на нас, а на ручку в своей руке. Я была удивлена, что она поделилась с нами таким личным фактом.

Они с Лидией знали друг друга не особенно хорошо, и я могла бы понять, если бы эта ситуация стала для них неприятной. Но, судя по всему, это оказалось не так, что обрадовало меня.

– А я уже один раз была в вашей галерее, – неожиданно призналась Лидия. – Вместе с мамой.

Лин удивленно взглянула на нее:

– Правда?

Лидия кивнула:

– Галерея и правда красивая и очень стильная. Я держу за вас кулачки, чтобы в будущем году дела пошли еще лучше. Знаю, как тяжело бывает начинать с нуля.

Они обменялись улыбками, прежде чем Лидия откашлялась:

– У меня в январе была короткая вылазка в Альпы с мамой. Мы были в оздоровительном отеле и прекрасно провели время, только мы вдвоем. Такого у нас не было целую вечность. Я думаю, это лучшее мое воспоминание из минувшего года.

– Да, можно себе представить, – тихо сказала я и коротко коснулась рукой ее колена. Не знаю, что еще могла ей сказать, но мне хотелось показать, что я очень ценю ее откровенность.

– А у тебя, Руби? – спросила Лин.

Какое-то мгновение у меня в голове было абсолютно пусто, и я понятия не имела, что бы я могла написать на своем листке. Но потом я прогнала перед глазами весь прошлый год месяц за месяцем и обнаружила, что он был хорош весь в целом. Хотя после истории с Джеймсом мне и было грустно, но даже начиная с сентября произошло так много всего, за что я благодарна.

Я стала руководительницей оргкомитета, получала в школе хорошие оценки, и меня пригласили в Оксфорд. Я ближе познакомилась с Лин, теснее срослась с Эмбер и даже обзавелась новой подругой. И впервые в жизни влюбилась.

Совершенно неважно, что с Джеймсом все кончилось так плохо… когда я думаю о наших разговорах – напрямую и по телефону – и о наших общих воспоминаниях, то я ни о чем не жалею. Наоборот, этот опыт относится к лучшим моментам минувшего года. Даже если все ушло в прошлое.

Я тяжело сглотнула, уставившись на чистый лист, лежащий передо мной на журнальном столике.

– Не знаю, с чего начать. Думаю, поездка в Оксфорд была лучше всего. Я так долго мечтала о том, чтобы поехать туда всей семьей. И вообще побывать там… Об этом я всегда буду помнить, – сказала я слегка охрипшим голосом и

заставила себя улыбнуться.

– Да, там было как в сказке, – добавила Эмбер.

Я кивнула, нарисовала небольшой круг и вписала к него: «Поездка в Оксфорд».

Кажется, после этого лед был сломан. Мы рассказывали друг другу даже о самых маленьких и самых странных событиях года. Например, Лин получила в супермаркете букет цветов, потому что оказалась тысячной покупательницей, а Лидии какая-то пожилая дама сунула фунт, чтобы та могла купить себе что-нибудь сладкое.

В какой-то момент общее настроение стало не таким подавленным, как вначале. Наоборот, мы наперебой смеялись, и казалось, будто мы вчетвером давным-давно привыкли проводить время вместе. Часов в восемь родители простились с нами и уехали к друзьям. Я видела, какое облегчение они испытывали оттого, что я вышла в этот вечер из своего заточения и была в компании подруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kasten_mona/spasi-sebya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити